

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 10 (60)

ОКТАБРЬ

2012

ПОЧЕМУ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»?

С точки зрения читателя мне интересен «Литературный меридиан» только из-за того, что в нём печатаются Николай Зиновьев, Валентин Курбатов, Юрий Кабанков, Владимир Тыцких и многие другие талантливые авторы.

Геннадий БОГДАНОВ, г. Хабаровск.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Октябрь 2012 года
№ 10 (60)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

С.Д. БАРАБАШ, *г. Владивосток.*

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

И.В. КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2012

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- с. 3. **Уроки сердцеведения.** Константин БАЛЬМОНТ
- с. 6. **Уроки сердцеведения.** Стихи Марины ЦВЕТАЕВОЙ
- с. 8. **Дни славянской письменности.** Эльвира КОЧЕТКОВА
- с. 9. **Поэзия.** Кирилл КОВАЛЬДЖИ
- с. 10. **Путеводитель.** Юрий КАБАНКОВ
- с. 12. **Поэзия.** Елена РОДЧЕНКОВА
- с. 13. **Проза.** Наталья МАТЯШ
- с. 14. **Поэзия.** Вита ШАФРОНСКАЯ
- с. 15. **Поэзия.** Валентина КОРКИНА
- с. 16. **Поэзия.** Алексей БОРЫЧЕВ
- с. 17. **Поэзия.** Владимир ИВАНОВ
- с. 18. **Поэзия.** Марина ЗАЙЦЕВА
- с. 19. **Поэзия.** Олег МАНЗАНОВ
- с. 20. **Пристальный взгляд.** Иван ТАРАН
- с. 22. **Проза.** Юрий МОЧАЛОВ
- с. 23. **Записки краеведа.** Анастасия КАРАБАЕВА
- с. 23. **Поэзия.** Ян БРУШТЕЙН
- с. 24. **Проза.** Владимир ЗАМЯТИН
- с. 26. **Проза.** Даниил АЛЕКСЕЕВ
- с. 28. **Проза/Поэзия.** Александр БАЛТИН
- с. 29. **Проза.** Любовь РУМЯНЦЕВА
- с. 30. **Проза.** Виктор ВЛАСОВ
- с. 31. **Поэзия.** Дмитрий СОСНОВ. Софья ИОСИЛЕВИЧ

ВНИМАНИЕ!

Музыкальные композиции (ноты и тексты песен в графическом формате) присылайте музыкальному редактору **Александру Кирилловичу КАПИТАНУ** по электронной почте: russtrio@mail.ru с обязательной пометкой – для «Литературного меридиана».

Ежемесячник

«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана». Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176** Перевод можно осуществить в любом отделении **Сберегательного Банка России**, а также в Интернете.

Где мой дом?

К 120-летию юбилею М.И. Цветаевой

Константин БАЛЬМОНТ

От редакции.

26 русского [русского – любила писать М.Ц.] сентября (8 октября по новому стилю) исполняется 120 лет со дня рождения великого русского поэта — Марины Ивановны Цветаевой. Этому событию мы посвящаем публикацию отрывка из воспоминаний Константина Бальмонта. Кроме того, «Литературный меридиан» предлагает вниманию читателей подборку стихотворений М. Цветаевой.

Это было в Москве в 1920 году, в один из тусклых зимних дней. И небо и земля были с утра затянуты всеразлитой дымкой, той странной и жуткой белесоватостью, которая чем-то напоминает жуть бельма, лишаящего человеческого глаз нашего лучшего дара – способности видеть.

Снова я проснулся в холодной постели, в комнате, издавна промерзлой, ибо давно уже нам топить было нечем. Полураскрытыми глазами, чувствуя в душе и в теле утомление безграничное, я смотрел, и все кругом было так, совершенно так же, как это установилось уже много недель и месяцев. Я лежу на диване в комнате, которая когда-то была моим рабочим кабинетом, а теперь стала учреждением всеобъемлющим. Рабочим моим кабинетом эта комната не перестала быть. Шкаф с книгами – поэты и философы, книги по истории религий, много книг по естествознанию – стоит на своем месте: этого у меня никто не отнял. На своем месте и письменный стол; на нем тоже правильные ряды книг и вчера оконченная рукопись, которая никому не понадобится. Она никому и не нужна. Это – нечто о древних мексиканцах. Против меня, у стены, где дверь, – моя кровать. В этой холодной постели, несколько согревая друг друга телесным теплом, спят два близких мне существа. Моя девочка двенадцати лет, изголодавшаяся, ослабевшая, много недель не решающаяся выйти из постели в холодный воздух комнаты, и вовсе не выходящая из дому, потому что выйти не в чем, ее мать, делящая со мной мою жизнь и, несмотря на свои лохмотья, каждое утро бегающая на Смоленский рынок, чтобы раздобыть какой-нибудь съедобной. Но, кроме пшена, что же добудешь? Тут же, около кровати, и печурка, на которой это пшено будет изготовлено.

Я встаю. Я твердо знаю, что единственная возможность не погибнуть и не пригнуться до земли в беде, это – решительное сопротивление. Несмотря на то, что в комнате несколько градусов ниже нуля, я снимаю с себя рубашку и моюсь с ног до головы. Я делаю это каждый день и только этим поддерживаю в себе бодрость и какое-нибудь жизнеподобие. Да и оставаться дольше в постели очень уж неудобно. Жители соседних комнат, наглые жильцы, самовольно поселившиеся в моей квартире, люди весьма вульгарные, подняли свой гвалт и как будто нарочно стараются быть тем

более громкими, чем менее они имеют на это какие-нибудь логические основания.

«Мой дом», – говорю я про себя не без горькой веселости. «Хотел бы я от кого-нибудь узнать, где мой дом и где мои – могли бы быть со мной не как собаки, которых, за неимением иного, загнали нескольких в одну холодную собачью конуру, и вот они там повизгивают, не восхищенные идеальным морозным воздухом».

А все-таки мороз красив. Я весело иду по Борисоглебскому переулку, ведущему к Поварской. Я иду к Марине Цветаевой. Мне всегда так радостно с ней быть, когда жизнь притиснет особенно немилосердно. Мы шутим, смеемся, читаем друг другу стихи. И хоть мы совсем не влюблены друг в друга, вряд ли многие влюбленные бываю так нежны и внимательны друг к другу при встречах.

В тот день наше свидание было не совсем обычным. Проходя по переулку, я увидел лежащий на земле труп только что павшей лошади. Я наклонился над ней. Она была еще теплая. Быть может, всего час тому назад, всего полчаса, она перестала жить. Но кто-то уже успел отхватить от нее одну заднюю ногу, обеспечив себе не один сегодняшний обед. А в ожидании, что придут и другие люди, нуждающиеся в мясной пище, тощая собака с окровавленной мордой, пугливо озираясь и время от времени рыча, торопливо отгрызала от лошадиного тела кусок за куском.

Вороны каркали, перелетали и перескоком приближались к пиршеству, но не решались приблизиться вплоть.

Эта злая примета прогнала мою веселость, и, когда я постучался к Марине, я услышал, что за дверью кто-то бегаёт, но не торопится мне открыть. Я подивился и, обеспокоенный, постучался опять.

– Сейчас, сейчас, – раздался веселый голос Марины. Дверь распахнулась, и моя поэтесса, с мальчишески-задорным лицом, трянула своими короткими волосами и со смехом сказала: – Вот что, Бальмонтик, иди ко мне в гости нынче опасно. Посмотрите.

В зале, которая находилась рядом с приемной и вела в комнату Марины, был, частью, стеклянный потолок. Он был пробит в нескольких местах, а на полу валялись огромные куски штукатурки. Это в верхнем этаже обвалился потолок, пробил стеклянный потолок залы, и тя-

желые куски штукатурки от времени до времени еще продолжали падать.

– Я не боюсь, – сказал я. И, взявшись за руки, как дети, мы со смехом быстро пробежали в ее комнату, под угрозно-зиявшим обезображенным потолком залы. Голы были наши остались целы. Очевидно, они еще зачем-то были нужны Судьбе. Может быть, нужны еще и сейчас, – хотя я мало это чувствую, что до меня, не вижу вообще решительно никакого смысла во всем, что совершается на Земле.

Марина Цветаева страстная курильщица. Но у бедняжки есть табак и нет гильз. Она лукаво подмигивает мне и говорит: «Хотите?» При этом отрывает от старой газеты, лежащей на столе, бумажную ленточку и начинает изготавливать то, что называется сигаркой или же козью ножкой. Я предоставляю ей художественно свернуть козью ножку, но, когда она хочет закурить, я ласково удерживаю ее и говорю: «Нет, сегодня не нужно. Я сегодня богат». Правда, у меня в кармане целых семь папирос, и мы четыре из них выкурим, может быть, даже пять.

Марина добрая и безрассудная. Она не хочет остаться в долгу. У нее в доме несколько картофелин. Она все их приносит мне и заставляет съесть.

Марина живет одна со своей семилетней девочкой Алей, которая видит ангелов, пишет мне письма, самые красивые из девических писем, какие я только получал когда-либо в жизни, и пишет стихи совершенно изумительные. Припоминаю сейчас одно, которое могло бы быть отмечено среди лучших японских троестрочий:

Корни сплелись,
Ветви сплелись.
Лес любви.

– Что нового, Марина?

– Да что же нового может случиться? Какие-то поляки у меня поселились. Очень вежливые. Говорят со мной по-французски и любезно сообщают, что у меня очень много интересных вещей в доме, которые, очевидно, мне не нужны. Добрые такие. Они освобождают дом от ненужных вещей. Сегодня унесли и продали стенные часы. Говорят, мешают спать своим боем. Деньги за них не то потеряли, не то проиграли в карты по дороге.

Марина – героическая женщина. Уже более двух лет ее муж, с самого начала присоединившийся к Корнилову, потерялся где-то там, за фронтом, и она не знает даже, жив ли он или убит. Но спокойно-благоговейно она верит, что он жив, и ждет его, как невеста ждет жениха. Ее сердце знало верно. Она дождалась свиданья и соединилась с любимым.

– А у вас что нового?

– Все то же. Помрут мои птицы.

– Увезите, увезите их. Уезжайте отсюда.

– Как же уедешь, Марина, из этого ада, который держит? И что я буду делать, что мы стали бы делать там, в чужом мире? Как ни плохо здесь, Россия – мой дом. Я не мыслю себя вне Москвы.

– Вы вернетесь потом. Нужно спасти их.

Мне хочется сказать: «Почему же вы сами не бежите и не ищите своего Сергея?» Но язык мой отказывает-

ся выговорить эти слова, и я начинаю бессвязно рассказывать Марине о павшей лошади, которую пожирают люди и собаки под карканье завидующих голодных ворон.

Я возвращаюсь домой, Аля идет со мною. «Я хочу навестить Миррочку (дочь К. Д. Бальмонта – ред.)». Метель стихла. В потеплевшем и успокоенном воздухе медленно падают и крутятся пушистые белые хлопья и целым дождем, но не влажным, отдельные звездочки снежинок.

Снежинки вьются и падают на ресницы. Але трудно смотреть.

Ее маленькая ручка в моей руке. Она улыбается.

Вдруг она поднимает мою руку к своему лицу и прижимает ее к своим губам.

– Каждый раз, когда я вас вижу, – говорит она вполголоса, – я вижу высокого принца.

– Аля, – отвечаю я, – хотите выйти за меня замуж?

– Этого не может быть, – говорит она.

– Почему?

– Я слишком маленькая.

– А когда вырастете?

– Этого не может быть, – настаивает она загадочно.

– Но почему же?

Она не хочет говорить.

– Потому что я буду тогда слишком старый?

Аля смотрит застенчиво и лукаво.

– Нет, вы, пожалуй, тогда не захотите.

Мы улыбаемся друг другу очень доверчиво и ласково. Снежинки совсем опушили нас, и дома кругом стали красивые и сказочные.

– И потом, – добавляет Аля с большой серьезностью, – вы слишком мало меня знаете. Вы не знаете, какая я в домашнем быту.

Но мы уже пришли в мой Николо-Песковский переулок. Нас угостят сейчас теплой пшенной кашей и даже еще чем-то. Аля щебечет с Миррой, у них свой особенный язык и много-много маленьких важных тайн, больше, чем бывает цветов в саду и птичек в лесу.

Почему, когда столько ласки и нежности в душах человеческих, столько слепой ярости и безумного уродства в человеческих делах? И почему опять за стенами дома завертелась бешеная вьюга, – закружились, угашая преждевременно этот короткий зимний день, слепящие белые пелены, белесоватые саваны незрячего снега, который идет, идет без конца?

Не хочу я сидеть дома. Каждый чужой дом лучше, если в душе неизбывная тоска. Я условился с Мариной встретиться вечером на Тверской в кафе поэтов. Но до этого слишком долго ждать.

Я помню, я ушел в тот вьюжный день к переводчику «Песни Песней» Эфросу. Мне нравилось время от времени бывать у него. Мне нравилось, что он никогда не говорил тех бесполезных слов о неизбежном, которые так любят говорить русские. Я выносил из каждой беседы с ним освежение, душевный отдых. Я брал у него также французские и итальянские книги по искусству. Их у него всегда было много.

Эфрос напоил меня чаем. Не показывая, что он видит тоску, которая меня истязала, – «лучшее внимание – невнимание», гласит древняя китайская поговорка, – он

заговорил мое тоскованье умными словами, такими, которые становятся почти нежными оттого, что они вовремя и у места умны. Он, кроме того, прочел мне свой новый перевод «Плача Иеремии», а прочтя, пропел это волшебное произведение по-древнееврейски.

Эта песня на красивом древнем языке, донесенном благоговейно через несказанно трудные тысячелетия, эта песня – сказ души, эта песня – заговор и пророчество, сливаясь неуловимо с песней зимнего ветра в трубе, исцелила израненное сознание, и, когда я шел по улице, простившись с гостеприимным, мое близкое и личное отошло от меня, но мне казался близким и живым ночной воздух белесоватой зимы, казались враждебными, но не страшными громады темных домов.

Вот тогда-то, идя по темной Бронной и видя, что свет над Тверской красноват, как зарево далекого пожара, я встретился с той, кого не знаю, как назвать и как определить.

На улице не было ни одного прохожего. Никого, кроме меня. Я шел и казался самому себе привидением, идущим по древнему погосту, где когда-то протекала, как широкая полноводная река, замкнутая в цветущие и высокие берега, целая богатая жизнь, с мыслями, красками, песнями, достижениями, дерзаннями необманувшими, улыбками близкими, счастьем высоким и длительным, с верными, до сердца доходившими, угаданными. Протекла, истекла, разлилась, обмелела, иссякла, обнажила безводное дно, раскинула вправо и влево и повсюду песчаную равнину, безжизненное мертвое пространство. И только белое облако вверху, белое, как известка, и измятым комком, криво повисшим бельмом, белая Луна.

Вдруг, как из-под земли, как из воздуха, предстала предо мной эта странная женщина. Я не видел, чтобы она вышла откуда-нибудь, я с ней встретился лицом к лицу так сразу, как будто она стояла и ждала меня, незримая, и стала видной, когда я подошел к ней вплоть.

– Дяденька, где мой дом? – спросила она меня, и я похолодел.

Она была одета как крестьянка, которая собралась в дальний путь. На ней были валенки, длинный темный кафтан, похожий на монашеское одеяние. Голова была укутана в большой теплый платок, и я мгновенно вспомнил обмотки на зябнущих маленьких ногах, которые с хрустом ушли по снегу, и вспомнил, что некоторые убийцы укутывают в простыню голову убитого и что голова того, кому суждено быть повешенным, должна предварительно быть отъединенной от мира, скрытая слепым колпаком.

Я не знал, красиво или некрасиво это лицо, но я знал, что я не могу не смотреть на него и что оно молодое.

– Дяденька, где мой дом? – повторила она голосом, в котором была доверчивость и слышался упрек.

Она произносила все слова так мягко и неважно, как будто не все звуки она могла произносить; что-то младенческое было в этом говоре, точно это был ребенок, который еще не совсем овладел речью. И первое слово у нее выходило «дянька».

Немев от изумления и еще какого-то другого, непонятного мне чувства, я невольно продолжал свой путь,

а она, слегка потрагивая меня правой рукой и тотчас же ее отнимая, пошла совсем рядом и упорно повторяла свой вопрос.

– Я не знаю, – сказал я с беспричинным отчаянием.

– Ты знаешь, – сказала она, и в ее голосе была уверенность. – Ты знаешь, дяденька, он тут совсем близко. Покажи мне, где мой дом.

Ее лицо было странно, но совсем не безумно. И что было не странно в тот час и в том месте, в обезумленном жестоком городе, где кто-то кого-то убивал и кто-то кому-то улыбался, в этом белесоватом сумраке ночи, под измятым комком белой Луны?

Мы прошли мимо ряда домов. Никого кругом. Ищущая рука тихонько прикасалась к моей и убежала тотчас же. Мне казалось, что мы два лунатика и идем по окраине крыши высокого дома. Вот-вот мы сейчас сорвемся.

– Где мой дом? Где мой дом? – повторяла неведомая, и детская жалоба пробивалась через ее неважный разговор, как через снег пробивается иногда слишком рано зазеленевшая былинка, которая через минуту замерзнет.

– Я не могу тебе помочь! – воскликнул я, схваченный тоской. – Я не знаю.

– Как тебе не стыдно, дяденька, – слышался упрекающий голос, и стыд и указание на пренебреженную ответственность были в этом женском голосе вместе с совершенно детской доверчивостью.

И, о чем-то сосредоточенно подумав, она добавила: «Ведь он не там, куда ты идешь».

Какой-то вихрь закрутился у меня в голове. К сердцу хлынула горячая волна, и мне стало жутко от того чудовищного желания, которое внезапно возникло во мне. Чудовищное ли? Не святое ли? Я не могу этого теперь определить. Около нас было много домов с открытыми воротами. Мне захотелось – неотступно – привести эту женщину на какой-нибудь двор, сесть с ней рядом на крыльцо и обнять ее. И обнять ее страстно. Самозабвенно.

В ту самую секунду из соседнего двора вышел какой-то человек. Было темно, и я не видал, кто бы это мог быть. Но знала ли она его или не знала, – только немедленно, так же, как сразу она подошла ко мне вплоть, сразу, точно меня не было больше на свете, она, отвернувшись от меня, с доверчивостью подбежала к этому человеку и начала что-то быстро говорить ему. Ее говор, неважный, когда она говорила, идя рядом со мной, на расстоянии этих нескольких шагов стал для меня совершенно невнятным. Вышедший человек, показавшийся мне стариком, тихонько потрепал ее рукой по плечу, и они оба исчезли в темном дворе.

Я постоял с минуту. Я чего-то еще ждал. Все было тихо. Я пошел вперед.

Да, я пришел в Кафе поэтов. Но, увидев меня, Марина всплеснула руками и воскликнула: «Братик, что с вами?»

Я рассказал ей подробно о встрече. Лицо Марины сделалось торжественным, а глаза ее стали смотреть как будто внутрь самих себя.

– Братик, – сказала она, беря меня за руку. – Она должна была к вам прийти. Должна. Ведь это же к вам приходила – Россия.

День был субботний

Марина ЦВЕТАЕВА

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчишки, сегодня —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

—

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни пробежало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешенная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.
Феодосия, 26 декабря 1913

* * *

Все глаза под солнцем — жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
— Он тебе знаком —
Все проснется — только свистни
Под моим окном.
22 февраля 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь —
уж рвешься прочь!

Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,

Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.
Октябрь 1915

* * *

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих —
бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник
мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опускаюсь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святая славы —
Вседержитель моей души.
2 мая 1916

* * *

Красной кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и донине
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
16 августа 1916

* * *

И сказал Господь:
— Молодая плоть,
Встань!
И вздохнула плоть:
— Не мешай, Господь,
Спать.

Хочет только мира
Дочь Иаира. —
И сказал Господь:
— Спи.
Март 1917

* * *

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.
В глаза целовать —
бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.
В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.
5 июня 1917

* * *

Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия
Российского —
где судьбы мира скрыты —
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
— Россия! — Мученица! —
с миром — спи!
30 марта 1918

* * *

Белье на речке полощу,
Два цветика своих ращу.

Ударит колокол — крещусь,
Посадят голодом — пощусь.

Душа и волосы — как шелк.
Дороже жизни — добрый толк.

Я свято соблюдаю долг.
— Но я люблю вас — вор и волк!
Между 26 мая и 4 июня 1918

* * *

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра антихристу!
9 августа 1918

* * *

Мне был подан с высоких небес
Меч серебряный —
воинский крест.

Был мне с неба пасхальный тропарь:
— Иоанна! Восстань, Дева-царь!

И восстала — миры бороть —
Посвященная в рыцари — Плоть.

Подставляю открытую грудь.
Познаю серединную суть.
Обязуюсь гореть и тонуть.
8 октября 1918

* * *

Высоко мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.
Тонкий крест оконной рамы.
Мир. — На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!
Ноябрь 1919

* * *

Простите Любви — она нищая!
У ней башмаки нечищены, —
И вовсе без башмаков!

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, —
Ей в дар башмачок сняла.

Другой — на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый — узнать — прошел.

Босая теперь — как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят.

30 декабря 1919,
Кунцево — Госпиталь

* * *

Сижу без света и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.

Сижу, — с утра ни корки
черствой —
Мечту такую полюбя,
Что — может, —
всем своим покорством
— Мой Воин! — выкуплю тебя.
16 мая 1920

* * *

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрогни,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мóроке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мóроке в две жилы
Истекает жизнь.
28 октября 1922

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.
12 декабря 1923

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гексаметре.
Дай мне руку —
на весь тот свет!
Здесь мои — обе заняты!

7 мая 1925

Щиро дякую!

Эльвира КОЧЕТКОВА,

г. Владивосток

В конце августа завершился шестой маршрут IX Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке. На этот раз он пролегал через Фокино, Дунай, остров Путятина, бухту Тин-Кан и воинский гарнизон в Руднево. В составе экипажа – Владимир Тыцких, Людмила Берестова, Виктор Костин, Раиса Петровичева, Эльвира Кочеткова. Но на самом деле участников праздника было гораздо больше, чем могла вместить наша машина. Кого-то мы знаем много лет, с кем-то – только-только познакомились. В городе Фокино к нам присоединились поэт из Хабаровска Александр Лозиков и местный автор Софья Сокуренок. Здесь же нашими новыми друзьями, которых мы надеемся увидеть на будущих пробежных встречах, стали замечательные люди – герои этого рассказа.

«Щиро дякую!» – теперь я знаю, что эти слова означают «большое спасибо!». Два слова из языка, который был родным моей бабушке.

Мы едем к месту ночлега, к совершенно незнакомым людям. В автопробеге такое бывает. Но если Рая Петровичева направила нас сюда – значит можно не беспокоиться.

Подкатили на «Чайзере» к жёлтому деревянному забору с малиновыми петухами и распахнутыми настезь воротами. Из ворот, улыбаясь, вышла женщина в красивом платье с большими, красными на чёрном, маками. Мы поняли – это и есть Мария Дмитриевна Зварыч. Извинилась за переполненный двор, сказала, что гости сейчас уедут, и тогда мы сможем загнать машину.

Я с любопытством шагнула на территорию усадьбы. В глубине двора – легковые машины в окружении полтора десятков людей и сумок. Люди улыбались, плакали, обнимали друг друга, подпевали красивой украинской песне, летящей из динамиков.

– Это почему никто не танцует? – вырвалось у меня вместе с улыбкой навстречу толпе, которая почему-то показалась родной.

– Нам надо уезжать, а мы не хотим расставаться... – ответил кто-то за всех.

«Ну надо же», – подумала я и решила оглядеться. Увидела выложенные камнями клумбы с жёлтыми подсолнушными головками на высоченных, густо растущих зелёных стеблях с большими сочными листьями, плетень с кринками и горшочками на колышках; у забора, под раскидистой зелёной кроной – гнездо с деревянными аистами и пластмассовым пупсом; при входе – тёсаный журавль над колодцем, исполняющий желания, если прикоснуться к его длинному носу; на скамейке лицом к воротам сидел хлопец в широкой рубахе с цветными квадратами и треугольниками на голубом ситце, в такой же шапочке и шарфике. Из-под шарфика кокетливо выглядывал яркий красный цветок. Улыбка от уха до уха сияла на поролоновом лице. Дивчина в цветном сарафане и венке с атласными лентами улыбалась гостям из подсолнухов (я вспомнила, что похожий веночек был у меня, когда я танцевала в школе украинскую польку). За сеткой у сарайчика гоготали гуси, кричал петух, сутились разноцветные куры. Огромный синий навес закрывал от непогоды компанию круглых столиков, окру-

жённых пеньками. На одном из пеньков скромно сидел худенький неприметный мужчина, оказавшийся впоследствии хозяином, Игорем Ивановичем, мужем Марии. Кот, кошка и котятка, сосчитать которых оказалось невозможно, возлежали на скамейках, столах и в траве, бродили по двору, не обращая на приезжих никакого внимания. Один из деревянных домиков значился, согласно вывеске, «Украинской хатой». Украинские песни сменяли одна другую. Русская, польская, белорусская и украинская крови заволновались во мне разом, и я закружила, вместе с «Несе Галя воду...» Закружили и другие, а Мария ещё и запела. Позже я поняла: Господь вручил ей этот дар для особого случая, в придачу к необъятной душе и беспокойному любвеобильному сердцу.

... В прошлом у них Чернобыль. На приморской земле прирастали трудно. Мария в один год потеряла почти всех близких. Чтобы жить, начала создавать музей украинской культуры. Игорь Иванович помогал ей во всём, ещё участвовал в строительстве храмов в округе и... сооружал могильники для радиоактивных отходов, которых в Приморье оказалось немало. «Зачем? После Чернобыля-то!» – спрашивали мы. «Потому что знаю, как надо делать».

Заброшенный двор со старым деревянным домом за пять лет превратился в маленькую Украину на тихоокеанском берегу России. Родина в сердце и новый отсчёт времени заставляли спешить. Спешить оставить память, сделать мир добрее и чище во всех смыслах.

Однажды Мария вышла за ворота подметать улицу. Соседи смеялись: «Тебе чего, делать нечего?» А дел у неё – на десять жизней. Построить во дворе часовню, создать дом-музей дружбы народов, написать много песен, вылечить хворых, осчастливить бедетных, выдать замуж младшую дочку...

Друг друга с мужем называют Машенькой и Игорёчком. Лишь изредка, когда расходятся во мнениях, переходят на «официоз» – становятся Марией и Игорем.

Мария встретила нас с детской простотой в ясных глазах, с печалью и радостью в их голубой глубине. Игорь Иваныч был по-мужски сдержан, но тонко чувствуя наши созвучные сердца, незаметно раскрылся, рассказал, как жил на Западной Украине, как приехали в город Фокино, про работу в исправительно-трудовой

колонии в Волчанце, об условиях работы на могильниках и многое другое.

В один из вечеров они отворили «Украинскую хату». Дом-музей украинской культуры встретил украшенной цветами сценой под крышей, где проходят теперь ежегодные праздники, и расписным крылечком с небольшой лесенкой, крытой ковровой дорожкой. В сенях, по народной традиции, мы попали под «всевидящее око» – глаз, сделанный из пенька с сучком. Здесь же столик с украинскими книжками, колосья пшеницы и глобус с их любимой Украиной. Горница наполнилась рушниками и картинами ручной вышивки, вязанными узорными салфетками, посудой, плетёными корзинками, статуэтками литературных героев. На окнах – причудливые занавески. У стены – белёная печка в цветах и ягодах, расписанная хозяйкой. В углу стояли ухват и лопатка для хлеба. Мария была замечательным экскурсоводом: знакомила с традициями, рассказывала притчи, читала стихи, пела песни. С портретов на стенах благодарно смотрели Тарас Шевченко и Иван Франко, и благословенно лучились православные иконы. В самой дальней маленькой комнатке висели одежды. На перекладине, как в старину. Вышитая белая ночная сорочка ожидает младшую дочь, тоже Марию. Сорочка надевается один раз, в свадебную ночь, и передаётся по женской линии уже несколько поколений. У кровати висит люлька с завёрнутым в красивое вышитое одеяльце младенцем. Под детским матрасиком – свежее сено. В нём сила, оберегающая от болезней. Мария садится на кровать, качает колыску и поёт колыбельную. Здесь у неё свершается чудо: бездетные женщины, покачив люльку, спускают положенный срок, рожают детишек. В углу насыпан горох... Мария вспоминает о традициях воспитания, выдаёт свои детские шалости и удивляет недавним случаем. В музей привезли ребятишек. Провели экскурсию. Когда собрались за обедом – одного не досчитались. Нашли в музее, на горохе...

Выходя из музея, я подумала: вот и наши книжки легли рядом с украинским букварём, и выпел Дней славянской письменности и культуры пришёлся к лицу этим удивительным стенам.

Одновременно с нами в доме Зварычей гостили другие люди. Поэт Александр Лозиков с женой Ниной приехали из Хабаровска на праздник Украин-

ской культуры да так и остались немного отдохнуть.

В первый же вечер мы сошлись за ужином как одна большая семья – вокруг продолговатого стола с красной белой, вышитой по краю, скатертью. Мария живо отвечала на вопросы, говорила то по-русски, то по-украински и однажды огласила закон: гости не должны быть голодными, мыть посуду и вообще что-то делать. Они должны отдыхать и радоваться жизни. Мы покорно подчинились её харизме, уплетали гренки, блинчики, котлеты, солянку, салаты... не в силах сохранить достижения от диет и физических нагрузок накануне поездки. Она научила нас есть с утра борщ.

Спать с мужем уходила в предбанник на деревянный пол, разложив гостей по широким мягким диванам.

Украинцы и русские, язычники и православные... жили в этом доме по законам общечеловеческой любви, каждый вносил в общение что-то своё, но не имел права посягать на духовные сокровища других. Мне казалось, я живу в СССР, только в эпоху коммунизма. Виктор Костин пел свою новую, но уже очень любимую песню про несуществующую страну «Гуралию», Александр Лозиков обещал перевести на мову стихи Владимира Тыцких, мы с Людмилой Берестовой вспоминали прошедшие встречи. А когда разгорались споры, то тут же и прекращались.

– Вы шо, опять за политику?! Никакой политики! – говорила Мария голосом, которому никто не смел возражать.

В последний вечер хозяйка истопили баню. Фитобанька с дубовыми и бамбуковыми вениками, медовым массажем и, конечно, чаем завершила наше краткое пребывание в удивительной стране Добрых Людей.

После бани я вышла на крылечко. Два котёнка на траве у забора сладко спали, прижавшись друг к другу. Я склонилась над ними, пытаюсь различить мордочки и хвосты. Они не обращали внимания на меня и вспышки фотоаппарата, умиротворённо дышали в согласии с вечерней тишиной, собирающей дождевые тучи.

Небо опрокинулось в ночь, и наутро мы услышали, как рокочет за зелёным забором река, к берегам которой местное население снесло старые телевизоры и холодильники, надеясь на новое счастье...

Машуня и Игорёчек махали нам вслед, а мы, сдерживая слёзы, старательно орали из окон: «Щиро дякую!» и точно знали, что приедем сюда снова.

ПОЭЗИЯ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ, г. Москва

*
Ай да Люська – персик! –
лепит красоту:
На мордашке пирсинг,
на заду – тату.

*
Если мама –
чувиха,
если дочка –

тёлка,
что за штучка –
внучка?

*
Русские большевики
были разных кровей,
Поляк – не поляк,
грузин – не грузин,
еврей – не еврей:
красными были,
как знамя нового мира:

кто палач,
кто жертва,
кто донор –
спросите вампира!..

*
Кто там с чёрным ящиком?
– Пандора.
А с чёрным квадратом?
– Малевич.
А с чёрной чертой?
С чёрной точкой?

«Внимать, оставаясь безмолвным...»

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

*Еще раз о наших «второстепенных» поэтах
(К проблеме «неизвестности»)*

В названии нашей рецензии – поименование одного из трех разделов поэтического сборника Ивана Шепеты «Суровые стансы», выпущенного владивостокским издательством «Рубеж» на самом исходе 2005-го года.

«Внимать, оставаясь безмолвным» – это, как нам кажется, методология прочтения (или ключ к восприятию) означенной книги. Таковая «методология» предполагает не «пробегание глазами» по рельсовой ритмике строк, но некую остановку внимания (и даже дыхания), возвращения и «дления» момента со-мыслия, со-переживания с «лирическим героем» (что, собственно, и должно «иметь место» при чтении не-игровой, не-надуманной поэзии). Замечательно «ретроспективное» удивление автора, взглянувшего через плечо на свое стихотворное прошлое:

*Удивляюсь, но рифм перекрестье,
Словно снайперский точный прицел,
Ловит миг, оставляя на месте
Даже то, что понять не успел.
Смутный контур летящей идеи
Понимаю я лучше порой,
В стихотворные глядя трофеи,
В эти чучела жизни живой.*

Это для него, автора, (а отнюдь не для читателя!) стихи – «чучела жизни живой», некий шлак душевной и мыслительной работы, «след в небе от реактивного самолета», как некогда определил этот феномен Александр Романенко. Неслучайно в стихотворении «Памяти поэта Александра Романенко» звучит всё то же – почти детское – удивление:

*Я несказанно удивлен
Среди рассеянной печали
Той музыке иных времен
И высших сфер, что прозвучали.*

Удивление – свойство отзывчивой, то бишь умеющей откликаться, не ороговевшей души. Ведь поэзия – вспомним Державина – есть «лирическое воскликновение»:

*И, удивленный, я долго глядел
На обозначенный небом предел,
И бесконечность вчерашнего дня
Зрительным эхом неслась на меня...*

ное» или слышимое – не просто «бессмысленная нимфа», заманивающая в лабиринты поэтического звучания, но попытка осмысления мира («природы»), порыв «заглянуть за край вселенной из жизни нашей милой и мгновенной», – как некогда было сказано у того же Александра Романенко. В стихах Шепеты это эхо

*... так долго куда-то летит и летит,
Что и ясно уже не вполне:
Я гляжу или это природа глядит
На свое отражение во мне...*

Мой живой читательский отклик – всплывающие в памяти тютчевские строки: «Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездушный лик...».

Отнюдь не случайно в восьмидесятые годы отозвалась на стихи Ивана Шепеты Инна Ростовцева, критик, «специализирующийся» на философской поэзии Николая Заболоцкого и Алексея Прасолова (об этом более пространно – в замечательном предисловии Александра Лобычева). Таким образом выстраивается весомый ряд имен, которые – гипотетически – могли бы значиться как некие точки опоры поэтического мира Ивана Шепеты: Тютчев – Заболоцкий – Прасолов...

*Шумит береза на ветру
И вздорной мыслью сердце ранит,
Что если я сейчас умру,
Она шуметь не перестанет.
.....
И сядет солнце за горой.
И вновь взойдет. И хлынет ливень,
Никак не связанный со мной...
Мир этот слишком объективен.
.....
Всё так, но сердцу моему
Любить желающему, помнить,
Та объективность ни к чему,
Ей бездны сердца не наполнить.*

Быть может, из этого сознания невозможности преодолеть личную смертность, возникает пронзительное ощущение бренности и тленности самого бытия, мимолетности этого мира. И – как следствие – столь цепкая привязанность к миру, чреватая эсхатологическим трагизмом, парадоксальным образом когда-то и кем-то отлитым в монументальную фразу: «живое живет и уходит, мертвое живет вечно». Философическая отстраненность Тютчева («Когда пробьет последний час природы,

состав частей разрушится земных...») обретает здесь болевую экзистенциальную окраску, поскольку в перспективе поэтического видения –

..... *Весь мир,
Как долгий взгляд, сольется в точку,
Нырнет в одну из черных дыр
И там расправит оболочку.
И в обновленном мире том
Настолько будет всё иначе,
Что даже знания о нем,
Увы, ничто не будут значить.*

Именно отсюда – какой-то бесконечно длящийся мотыль уныния, свойственный, заметим, не только «неизвестным поэтам» (у Пушкина: «Дышать уныньем – мой удел... От ямщика до первого поэта, мы все поем уныло...»). Добавим от себя – и до «последнего», поскольку «... телеграфной жалобой унылой звенит в ушах все-ленская тоска». Очевидно, что проблема преодоления уныния – проблема сугубо религиозная; на лирико-философском пути она вряд ли избываема, когда –

*Отколовшийся света сегмент
Розовеет в глуби атмосферы,
А внизу в этот самый момент
Всякий зайчик под кустиком – серый.*

Даже главному хрусталику в этом мире не по себе, потому что и сама красота воспринимается не как, скажем, «ощутительная форма истины и добра», но – лишь комбинацией квантов на сетчатке глаза. Потому-то и слух всё чаще ловит звуки выборочно, избранно – чуть ли не на грани восприятия ультразвука:

*Лужа тоненькой корочкой льда,
Как ушиб, поутру подсыхает –
Застеклившая лужу вода
Под подошвой трещит и вздыхает.
Это снова токует апрель,
И, в тоске голубея, без стука
Сердце плавно садится на мель
От саднящего нежностью звука.*

И вот, когда сердце садится на мель и «нет за что зацепиться», – всё поглощает собою сомнение в правомерности существования поэзии как таковой и – в конце концов – даже «себя любимого»:

*Своенравны волны Леты,
Удивительный народ –
Неизвестные поэты!
.....
Тот повесился, а этот
Ночью до смерти забит.
Смерть на взлете – это метод,
Коль не хочешь быть забыт.*

Об этот камень претыкались даже «игровые» стихотворцы, коих сия игровая эстетическая застекленность должна, казалось бы, предохранять от живой «вселен-

ской» боли. Вспомним Вознесенского: «Я понимаю, это не метод. Неправильное – неправильно. Но неужели, чтобы заметили, надо, чтоб голову раскроило?»

Но и более глубокие поэты были не в силах преодолеть желания «быть притчей на устах у всех» – как подтверждение истинности собственного бытия. У «пра-родителя» Серебряного века Константина Случевского – на грани отчаяния – уже даже не сжигание рукописей (которые, как мы помним, не горят), но отвержение самой поэзии: «Ты не гонись за рифмой своенравной и за поэзией – нелепости оне...», «Слова – не плоть... Из рифм одежд не ткать!», «Уйми все песни, все! Вели им замолчать!», «Смерть песне, смерть! Пускай не существует! Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..»

Может быть, в подобном самоотвержении стоит усмотреть причину слишком затянувшегося онемения поэтического эха Ивана Шепеты? Онемения, из небытия которого поэт всё-таки вынырнул «обновленным» – в том смысле, что (по Хемингуэю) «жизнь ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе». Теперь стихи являют себя уже не «песнями» и «лирическими восклицаниями», но некими посланиями – уже даже не к читателю, – но «сверх и выше»:

*Абстрактно и как-то безадресно
Мы пишем не песнями – письмами,
И бьется взволнованно, радостно
Иное пространство у пристани.*

Это, так сказать, исход, результат преодоления энтропии, замкнутости поэтического пространства в самом себе. Но живая ткань процесса преодоления – вот она: безнадежное-горемычное изумление родному окоёму – когда «лирический герой нашего времени» вдруг

*Оглянется: всюду – Родина,
Непонятная страна.
Все дороги заколодило,
Не очнуться ото сна.
Только проводом оборванным
Столб на сторону косит,
Только сказанное вороном
Долго в воздухе висит...
.....
... Вот на вздохе качнувшихся лип
Чернокрылое схлынуло тело:
– А! – отмашка. И скрежет. И скрип:
Безнадежно российское дело!*

В кратком жанре рецензии не разгуляешься словами. Но всё же тезисно напомним о возможной сопоставимости любви к Родине и любви к женщине (Блок: «О, Русь моя, жена моя! До боли нам ясен долгий путь...»). В конечном счете эта любовь должна быть чиста от желания обладать (пушкинское «Я вас любил так искренне, так нежно, Как дай Вам Бог любимой быть другим»). В какой-то момент «лирический герой» Ивана Шепеты почти достигает такой высоты и чистоты чувства и мироощущения:

Не стану я иным,
Не станешь ты иною.
Иди путем своим,
Не мучайся виною.
И пусть ревниво плоть
Горит любовным ядом,
Храни тебя Господь
Любовью тех, кто рядом.

Осмелюсь предположить, что таковой выход из более чем древнего лабиринта был задан еще в новогоднюю ночь на 1991 год, когда писалось стихотворение «Горящая бумага», в котором – начало преодоления некоего тектонического разлома меж «явью» и «поэтическим сомнамбулизмом», благодаря которому (возвратимся к началу рецензии) поэту удается зафиксировать «даже то, что понять не успел».

Льнет ко мне явью ли, снится
Юности сбывшийся сон?..
Боязно мне пробудиться
И убедиться, что – сон.
Мне? – и дрожу суеверно,

Еле справляясь с тоской.
Нежно касаюсь и нервно –
Явь проверяю рукой.
Истина – мира иного
Невероятная весть.
Нет! – повторяю я снова.
А убеждаюсь, что – есть!

Можно бы в очередной раз пройти этим катком эрудиции по «бабочке Чжуан-цзы»; можно бы, да не нужно, – пусть она живет и порхает: важно, что она – есть, и не весьма важно – кто кому снится. Потому что (протицируем одно умное высказывание в подтверждение наших досужих измышлений) «поэзия – это не одна из “специальностей” языка, а его, в прямом смысле, религиозное (что значит: восстановительное) памятование своего первородства. То есть его праздник. Оказиональное и магически достоверное тождество яви и смысла – этим дивит язык, когда мы попадаем на его праздник, тем более, когда попадаем нечаянно».

5 март / 20 февр. 2006
Прощеное воскресенье

ПОЭЗИЯ

Жизнь мгновения короче

Елена РОДЧЕНКОВА,
г. Санкт-Петербург

* * *

Ни в суть, ни в смысл
не вникнем никогда.
Бывает год короче летней ночи,
Бывает жизнь мгновения короче,
И тянется минута, как года.

Мне говорят: до ночи день пути,
А путь бывает легче и короче,
И можно встретить утро
вместо ночи,
А вместо утра можно ночь найти.

Поет весенних звуков благодать
Над изумленной, серой сеткой сада,
Что все приходит,
нужно только ждать,
Что все проходит и жалеть не надо.

* * *

Души пожары не слышны,
Звук колокола – невидимка
И от звенящей тишины
На память не оставишь снимка.

Немыслимо понять, зачем
Так больно чувствуем мы это.

Как много тьмы дано нам всем
И как обидно мало света!

Не потому ли с каждым днем
Мы все вернее верим в диво,
Нежней, молитвенней поем
Неповторимые мотивы.

Губами к вечности припасть,
И пить, и смело захлебнуться...
Мы – избранные. Нам пропасть –
Что в дом родной
без сил вернуться.

Жемчужина

Укради меня всю, без остатка, –
Я молила. Не нужно достатка.
Мне не нужно ночлега и ужина,
И цветов, и подарков
не нужно мне...

Но ты ряженым был,
а не суженым.
Ты украл мою душу-жемчужину.
Что ж теперь
величать королевою
Опустевшую ракушку серую?

Осень

Богатый год, как милостыню, бросил
В протянутые руки жизни – осень.
Какую осень, Господи, какую!
Ликующую в звуках – аллилуйя!

Поправ наряды, золото, мониста,
Смиренно встала и вздохнула чисто...
Какая осень, Господи, какая!
Блудница бывшая, теперь – святая.

Так тихо-тихо смотрит
сквозь ресницы
Смиренница, послушница, черница
Заплаканными, светлыми глазами
На все, что не было и было с нами.

В торжественном отчаянье
предсмертья
Слетают с века листья-лихолетья,
Вторгаясь в устье времени рекою
Могучего, нежданного покоя.

На страшный суд иди земля готова,
Чтоб умереть и возродиться снова.
Проходит жизнь –
но смерть проходит тоже!
Какая осень, Господи мой Боже...

День пришёл...

(воспоминания)

Наталья МАТЯШ,
г. Владивосток

ВИРУС ЛЮБВИ

Третий класс гудел, как улей. Случилось ужасное – каким-то образом сюда проник вирус любви и с огромной скоростью распространился от одного к другому. Сначала он охватил старших, тринадцатилетних ребят. Почему такие взрослые – и в третьем классе? Война виновата... Их «первый» начался в десять лет.

Вирус не щадил никого. В «высоких чувствах» признавались, передавая записочки.

– Эй, малышня, кто из вас почтарь? Подь сюда! – поманил пальцем Сашок, самый старший из ребят. Я с готовностью подскочила: «Сейчас моя очередь!» Он наклонился и стал громко шептать: «Подойдешь вон к той девчонке, – махнул рукой по направлению к небольшой группе учеников, стоящих у окна, – передашь записку, только не говори от кого, поняла?» – «Ага!» – кивнула я и побежала вприпрыжку выполнять поручение.

На уроке ни о чём не могла думать. Скорей бы перемена! Так интересно быть почтальоном. «Клиентов» у меня оказалось больше, чем у других. Кто из юных почтальонов сам отошёл от дел, кто нарушил негласное правило не сообщать имя «воздыхателя», но так или иначе я едва успевала за перемену разнести «почту». А на уроке счастливые обладатели любовных весточек загадочно переглядывались, хихикали, девчонки томно вздыхали, а мальчишки всем своим видом выказывали полное равнодушие к происходящему.

Однажды мне пришла мысль тоже отправить записочку какому-нибудь мальчику. Но кому? И тут моё внимание привлёк Олег: он сам никому не писал и ни от кого не получал посланий, говорил мало и тихо, вид имел болезненный.

«Ему-то я и напишу!» А что написать?

После мучительных раздумий сочинила: «Олег, ты хороший мальчик, я тебя люблю».

К сожалению, Олег так и не узнал о моих нежных чувствах: в момент передачи письма учительница перехватила мою руку, пробежала глазами злосчастную записку и... велела привести в школу маму. Когда дома за обедом я поведала маме всю эту историю, вплоть до вызова в школу, то заработала ложкой по лбу, не больно, но обидно.

Так бесславно закончилась моя карьера почтальона и безвозвратно погиб во мне вирус любви.

ПРОВЕРКА

«Идёт! Идёт!» – услышала я голос светловолосой подвижной и смешливой Ксюшки Мороз. Не сразу поняла, что эти слова относятся ко мне. Переступила порог 10 «б» – всё стало ясно. Мои великовозрастные ученики носятся по партам, орут что есть мочи, карта висит «вверх ногами», тряпка – на плафоне, мел на полу растёрт в муку, кругом разбросана скомканная бумага. Я стою в дверях в полном онемении. Что делать?

Ещё месяц назад представляла, как вхожу в класс, как рассказываю о крещении Руси, например, или о Петре I, или

о наполеоновских войнах... Я объясняю, а они, дети, внимают. Для оживления материала провожу беседу по вопросам или интересную викторину. Но с первого урока в пятых классах всё пошло не так: то ответа на вопрос не добьёшься, то в замечаниях тонешь, то сама не могу сосредоточиться на объяснении, говорю сумбурно и непоследовательно. В результате, мало что успевала сделать из намеченного и очень уставала. Но чтоб вот так – ужас!

Проходит секунда-другая, я понимаю: надо что-то делать, но что? Закричать громовым голосом – но где его взять, пройти к столу как ни в чём не бывало – может, они прекратят озорство, а если нет? Я не знала, как быть, в институте нас этому не учили. Страх, что мои верзилы сейчас разнесут класс, заставил меня развернуться и позорно бежать. Куда? «К директору или завучу!» – промелькнуло в моей голове. Но ни того, ни другого – как потом оказалось, к моему счастью – не было на месте. Охваченная паникой, я стремительно пронеслась по коридору, выбежала из школы и помчалась домой, где и дала волю слезам. «На этом моя карьера учителя закончилась, – стучало в голове. – В школу больше ни ногой».

Утром другого дня я уже не была столь решительна. Надо идти на работу. Захожу в учительскую, боюсь голову поднять – наверно, висит приказ о моём увольнении. Осторожно бросаю взгляд на доску объявлений – ничего нет. Неужели никто не заметил того, что вытворили мои десятиклассники, а главное, моего ухода? Похоже, что так.

По расписанию урок в злополучном 10-м «б». Иду с замиранием сердца, ноги подкашиваются... Что-то меня ждёт, какую ещё каверзу придумали мои мучители?

Вхожу в класс. Все встают, как положено ученикам. Прохожу к столу, незаметно осматриваю стул, нет ли там чего, – всё в порядке. Веду урок, а сама настороже, жду подвоха. Постепенно увлекаюсь и забываю об опасности. Урок мне понравился. Звонит звонок, прощаюсь с ребятами, поднимаюсь в учительскую.

Я была поставлена в тупик. Как это понимать?

А вскоре мы подружились. Я изо всех сил старалась проводить уроки как можно интереснее: просматривала журналы и другую литературу, чтобы найти нечто занимательное и удивительное. Ребята мне отвечали доброжелательностью, мы даже съездили в увлекательную экспедицию на Сахалин, но это, как говорится, другая история.

Все подробности злополучного урока я узнала на выпускном вечере. Конечно, то безобразие, какое они учинили, было традиционной проверкой. Предполагаемые действия учителя – вызов директора или завуча со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно этого ждали озорники от неопытной учительницы. А я, понимаешь, презрительно посмотрела в их сторону и просто удалилась, не снизошла до выявления зачинщиков и тому подобное.

...Знали бы они, что эта бедная учительница пережила! Так я внесла первый вклад в свою педагогическую «копилку».

БЫТЬ НАМ ВМЕСТЕ ТЕПЕРЬ

Вита ШАФРОНСКАЯ,

г. Псков

Бессонница

Бесчинствует северный ветер,
А в тусклом проеме окна
Дрожат паутинные сети
И полная светит луна.

То истово просишь – уснуть бы...
То вспомнятся нежно и вдруг
Душою хранимые судьбы
И вязкая горечь разлук...

Густые и частые смоги
Еще не прощенных обид,
И пыльной, в ухабах дороги
Изъезженный, стёршийся вид...

Нескоро забудешься, прежде,
Ладони сложив под щекой,
В уютной, но тщетной надежде
На столь долгожданный покой...

Но голые ветви как плети
Елозят всю ночь до утра,
Бесчинствует северный ветер
Да полная светит луна...

* * *

Петляй, авось удастся скрыться!
Беги, гонимый сворой мук,
Очертит время полный круг,
Но прошлое не повторится,

Останутся лишь страх и боль
Неутоленных откровений,
Что в краткости земных мгновений
Могли бы стать *твоей* судьбой.

Вглядываясь в прошлое...

Вглядываясь в прошлое, пытаюсь
Образ твой по памяти сложить,
Не звоню тебе, не появляюсь,
Говорят, так тоже можно жить,

Принимая за спасенье гибель,
Забывая на излёте лет
И бровей взметнувшихся изгибы,
И твоё уверенное «нет».

Зачем?..

Нет... Этот день
впустую не растрочен.
Не слушай никого и дверь запри.
Нежданный мой...
Мой поседевший мальчик,
Сядь рядышком,
со мной поговори...

Нам никуда не нужно торопиться,
Ночь на дворе и вон у той звезды,
Которая так часто
стала сниться –
Теряются твои, мой друг, следы...

Мои следы...
Мы там бываем часто:
Лишь ты и я. И больше никого.
И по круплицам собираем счастье
Незримого присутствия Его....

А за окном ноябрь снега клянчит
Да ветер непогоду ворожит...
Нежданный мой,
седеющий мой мальчик!..
Зачем же ты нежданен так,
скажи?..

* * *

Как странно...
Не схожу с ума... Пока.
Но выбор мой намеренно

отсрочен,
Позывы телефонного гудка
Услужливо выводят многоточья,

Прощупывая верхний тот предел,
Когда устану от предположений,
И огражусь от надоевших дел
Мне не присущим страхом
поражений,

Чтоб дальше жить
по правилам игры,
Судьбы послушно кубок осушая,
И посторонне обходить костры
Все, что со мной сбывлось,
не воскрешая.

В этой жизни

В этой жизни,
прошитой дождями разлук
И ветрами потерь взьерошенной,
Чертит девочка мелом
неровный круг –
Может, встанем в него,
хороший мой?..
В этой жизни, где чаще
услышишь плач,
Небоскрёбами загороженной,
Пацанёнок гоняет потёртый мяч,
Может, с ним поиграем,
хороший мой?..

А потом от гримас
слепащих витрин,
Поспешим по тропе нехоженой...
Я – одна, дай мне руку.
И ты – один,
Быть нам вместе теперь,
хороший мой...

Вместо письма

к В.

И всё бы ничего.
Вот только сердце сжалось
И этим сжатьем мне сковало вдох.
Скажи, мой друг,
На что твоя мне жалость,
Когда себя ты сотворить не смог?..

Бежал куда-то –
Надо ли, не надо ль...
И в спешке где ты только
не бывал.

Ни разу не упал...
Да лучше б часто падал!
И разбивался, и опять вставал.

Тебе ль жалеть меня,
Когда себе в подмогу,
Списав чужую жизнь
с листов чужих,
Ты изменил себе.
А, может быть, и Богу...
Тебе ль жалеть меня,
мой друг, скажи?..

СВЕТ ОТ ЛУНЫ НЕВЕСОМ

Валентина КОРКИНА,

г. Курск

* * *

Любое Божие творенье
Имеет голос, говоренье...
И даже камень вековой,
Омытый влагой дождевой,
Ей что-то шепчет болевое,
До невозможности живое.
...А влага с неба будет течь,
Свою разбрызгивая речь,
И всё, чего она коснётся,
Звездой взовьётся из колодца
И обнаружит силу воли,
На дне молчавшую дотолё...
Смотри, как песенно дрожит
Листок на дереве, сгорая, –
Он не горюет, умирая, –
И всем об этом говорит!

* * *

Ослепли – не видим друг друга,
Оглохли – друг друга не слышим.
Во власти какого недуга
Мы порознь
Затравленно дышим?

Мы плакать давно разучились,
Нам плакаться больше по нраву,
На время кивать наловчились:
Его, мол, хлебнули отравы.

Мол, знаем, кем брошено семя,
Взрастившее наши пороки,
Мол, что теперь делать....

А время,
Вздыхая, стоит на пороге
И нищенкой тянет к нам руки,
И скорбно главою качает:

– Поплачьте, друзья, друг о друге!
Поплачьте – и вам полегчает.
И мне полегчает.
Поплачьте!
Слезами вину обозначьте
Не только мою...

Замолчало.
И вновь головой покачало.

Как стыдно!
Как горько!
Как больно!
Поплакать бы – знаем и сами,
Но только моргаем безвольно
Пустыми сухими глазами.

* * *

Когда-то, в любимом году,
В бреду сотворенья сирени,
И мы с тобой шли как в бреду,
И наши счастливые тени.

Был свет от луны невесом,
Прохладен и шёлков на ощупь.
Деревья в саду городском
Сияли берёзовой рощей.

...Нас вместе уже не найти:
Какой-то рассеянный гений
Оставил на нашем пути
Лишь тени от веток сирени.

Наследство

Отшумят, не спросясь, мои годы,
Растворятся в беспамятной мгле,
И смотреть в Божий Лик
небосвода
Будет кто-то другой на земле.

А куда я уйду и откуда –
Что за дело ему? –
Пусть живет!
Пусть мое ощущение чуда,
Как наследство, к нему перейдет.

* * *

Когда ночная жница
Поднимет лунный серп,
Пускай тебе приснится
Скамейка возле верб.

...Напившись из бадейки
Колодезной воды,
Мы сядем на скамейку
До утренней звезды.

Пускай ночная жница,
Что звезды жадно жнёт,
К утру так утомится,
Что нашу не найдёт.

Заря коснется краем
Скамейки возле верб,
Где мы пока не знаем,
Как мир жестокосерд.

* * *

И запахи талой земли,
И звуки ожившей природы
На мир и на душу легли
Легчайшим избытком свободы.
И все ощутимее связь
С кустами сирени, рябины,
С травинкой,

что вверх поднялась,
И с речкой, ломающей льдины.
И чтоб до конца ощутить,
Как мало для радости надо,
Достаточно вообразить
Себя веткой вишни из сада,
Вернувшись с юга скворцом,
Что дома теперь отдыхает,
Вовсю распевая о том,
О чем только птицы и знают...

* * *

Как легко и разбуженно
К нам сквозь годы и снег
Входит профилем Пушкина
Девятнадцатый век!
И внезапно стремление –
Тихо свечи зажечь,
И сухими поленьями
Растопить в доме печь.
О бессмертной поэзии,
О российской судьбе,
Думать дерзко и весело,
Как о главном в себе.

Только в небе удача живёт

Алексей БОРЫЧЕВ,

г. Москва

Восходя к декабрю....

От пасмурных дней восходя
к декабрю,
Мой мир обживает цветные
чертоги,
Жасминовой дымкой
окутав зарю,
Былое упрятав в небесные тоги.
Обитель моя и пуста, и чиста,
И сотнями радуг под нею смеётся
Вобравшая мудрость веков
высота,
Зарницей мигая закатному
солнцу...
Ты шепчешь мне что-то,
ты молишь: «Скажи,
Узнаю тебя ли в сиянии истин,
Где в прятки играют с мечтой
миражи,
Где воздухом тайны
пропитаны мысли?»
Молчи!.. и певучих лучей
не спугни
Бездонной, как пропасть,
словесною тьмою...
Пылают над вечной
печалью огни,
Чтоб розы в снегу расцветали
зимою.

Крылами тьмы взмахнула полночь...

Крылами тьмы взмахнула
полночь,
И звёздный снег – печаль небес –
Своими чарами наполнил
Подлунный, сладко спящий лес.
Меж ним и звёздами кружилась
Воспоминаньем о тебе
Творцом дарованная милость
Моей безвыходной судьбе.
Срезая грани расстояний,
Нас разделявших, лунный луч
Осколком долгих ожиданий
Вцепился, яростен, колюч
В сырую темень зимней чащи,
Где каменела тишина,
А в небе отзвуком лучащим
Блестела полная луна.

И на снегу забытой сказкой
О двух расставшихся сердцах
Сияли блики, и бесстрастно
Огнями лёд мечты мерцал.
И мысли с чувствами сплетались
В единый образный клубок...

Пусть то, что есть – такая малость!
Но омут прошлого – глубок!

Останься моею...

В зеркальности дней
отразив небеса
Миров, где встречается
дальнее с близким,
На гранях времён
я тоской написал:
Ты правдой была?
Будь великой из истин!
Печалью раскачивая полюса
Планеты, где сны
обращаются явью,
В тетради судеб
я мечтой написал:
Есть правила, будь
исключеньем из правил!
Победы и беды считая до ста,
Разлука, подобная

скользкому змею,
Меня обвила, но горчат на устах
Два слова, два слова:
останься моею!

Романс

Пускай рассыпает обид лепестки
Увядавшее счастье
на лёд расставаний,
Я знаю – разлуке слепой
вопреки –
Что нет для сердец
никаких расстояний!
Пускай погибает
в крылах мотылька,
Мерцающая пылью золотистой,
надежда –

Я верю, что встреча не так далека,
Что время нам станет вином,
как и прежде!

Теперь только в небе удача живёт,
И радость погасла
алтарною свечкой,
Но знаю, я знаю, что нет ничего –
Что было бы вечно,
что было бы вечно...

Когда метель пришла за мною...

Фёдору Сологубу

Когда метель пришла за мною,
На зимний путь вручив билет,
Тогда последней тишиною
Прочерчен был разлуки след.

И повела звезда печали
По следу этому туда,
Где вдруг навеки замолчали
Для нас поющие года.

Читая будущность по лицам
Былых событий, дней былых –
Я замечал миров границы –
Всех тех,
что жили в снах моих.

Когда пространство проросло
В бестелость ночи, я ловил
Прозренья отблеск бледно-алый,
Дрожащий на крестах могил,

Слепящий все мои разлуки
С неповторяемым былым.
А утром солнечные звуки
Слагали дням грядущим гимн.

И пели солнечные блики
Свою лучистую печаль,
А через край небес пролитый
Покой мечты мои венчал.

Река судьбы текла устало,
Омыв иные берега,
И небо душное упало
В окаменевшие снега.

На родину еду...

Владимир ИВАНОВ,
г. Кемерово

Поющий дождь

Горизонт не светлеет,
мерный шум у виска,
с неба сутками сеет
обложная тоска.

Но для чахлах растений,
для деревьев и нив
это очень весенний
и целебный мотив!

Он из облачных ключев
льется вниз головой
и на сохлую почву
наплывает травой!..

* * *

На родину еду, на родину еду.
Змеится дорога, купаясь в пыли.
Поляны и рощи
то тянутся следом,
то вновь выплывают
из дальней дали.
И всё, что ни вспомню,
овеянный грустью
под мерные скрипы тележных
колес –
порою подступит –
мелькнет и отпустит,
порою подступит – доводит до слез.
По тайному зову, по давнему следу
сквозь редкий околок
вдоль хлебных полей
на родину еду... На родину еду.
Поездки все реже
и путь все длинней.
И все, что ни встречу дорогой
в селенье –
печаль об ушедшем
глуши-не глуши –
всё снова приводит
в глухое волнение
и мимо проходит
в вечерней тиши.
И вновь это царство покоя
и грусти
в мерцающей дымке родимых
берез

порою подступит –
мелькнет и отпустит,
порою подступит –
доводит до слез...

* * *

В дни, когда ручей вовсю лопочет,
каждый час отмечен новизной, –
как волнует
горький воздух почек,
шум берез, дымок над головой!..

Но вдвойне дороже мне все это
оттого, что домик наш – Земля,
может быть, всего одна планета,
где витают запахи жилья.

* * *

За часы просветления в мире
утаить ли мне тайну одну:
я глазами насытился ширью
и душою тянусь в глубину.

В глубине, где живого основа,
мне из вечности видишься ты, –
скоротечного лика земного
сохраняя родные черты.

Желание

Судьбу свою вывалить в глине,
В зелёной измазать траве
И сердцем срастись
с сердцевиной,
И, недоступным молве,
Шуметь, зеленея ветвями,
Тревожить озёрную гладь
И вдаль простирается степями,
И спелые зёрна ронять,
И дровом с ветвями-ручьями
На всю распластаться страну
И в бесконечном журчанье
Ночами цедить тишину.
И табуном на рассвете
С ночлега - что взмах, то верста! -
Промчаться вдоль длинного лета
И землю, как ливень, хлестать...

Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застиранный ситец небес!

Воспоминания о детстве

Я еду верхом на коне,
к отцу снарядили с едой,
и деда пилотка на мне
с остроконечной звездой.

Вот солнце уходит с небес.
Въезжая в Разбойничий лес,
я крепче прижал узелок -
выцветший мамин платок.

У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле. А вот и луна.
Вот и сушилка видна.

Отец на току сторожит,
с ним рядом я, греясь, прилег.
А сверху с улыбкой глядит
ласковый бабушкин Бог.

* * *

Взмахи веток и солнце с утра,
вздохи ветра и ливня потеки,
хрупкий голос кивающих трав...
Вот они, этой жизни истоки!

Как токует оглохший глухарь
и кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
так толково про мир не толкует!

Молитва поэта

Хвала Тебе за все щедроты
Судьбе повинной и невинной.
Сполна отмерил мне всего Ты,
Всего сполна – не вполовину.

О если от щедрот Ты снова
Еще одной бы удостоил –
Я порастратился на Слово
И Дома так и не устроил.

Век мобильников

Марина ЗАЙЦЕВА

г. Корсаков, Сахалинская область

* * *

По водному раздолью
Мчит весна –
Мелькают в половодье
Два весла!
Бубенчиками вербными звеня,
Весна распространяет
Волны хмеля.
И я не представляю
Как доверю
Вас опекать беспечному апрелю,
Где вы один (один ли...)
Без меня?!
А следом тройка лета прогремит –
И только полыхнёт
Из-под копыт
Огонь зелёный –
Брызнет, ослепит,
Отхлещет ливнями,
И ошарашит градом.
И канет в ночь,
Туманами клубясь...
И я очнусь –
И как всегда – без вас,
Опять одна –
Уже под листопадом.

* * *

Век мобильников...
Мы опциями мыслим.
В головах лишь «симки»,
бонусы программы...
Эсэмэски
посылаем вместо писем.
Эсэмэски
заменяли телеграммы...
Век компьютерный...
Живые руки с детства
От бумаги и пера
мы отлучили.
И взамен им
фантастическое средство –
Виртуальное общенье
получили.
Ты за тридцать земель
живёшь отсюда,
Независим и свободен,
словно ветер.

Электронных писем
я тебе писать не буду,
Да и доступ ограничен
в твои «сети»...
Знаешь, лучше напишу я,
«мышь» отбросив,
Почерком взволнованным,
нескладным,
Грустный-грустный стих
про нашу осень
На простом листочке в клеточку
тетрадном.
И письмо своё
(не уравнивая в бессмертье
ни с берестяным, ни с узелковым)
Я pošлю тебе
в простом конверте
Тоже древним способом –
почтовым.

Притча

Глухой и тёмный
Живал народец.
В глухой и тёмный
Плевал колодец.

Глухой и тёмный
Зачах колодец.
Глухой и тёмный
Исчез народец.

* * *

О, Русь! Куда ни брошу взгляд,
Во все твои концы –
Всё ниже хижины стоят.
И выше всё – дворцы!

* * *

В апреле
звонком
и беспечном
Не станем размышлять о вечном.
Поймала нас в силки весна!
И даль, что так пьянит и манит,
Вновь заморочит и обманет –
Мы пробуждаем ночь без сна.

Услышав ранний клич гусиный,
Лицо я запрокину к сини
Летающего навстречу дня.
Ещё он юный и безгрешный,
Стремительный,
как ветер вешний.
И, ломким дискантом звеня,
Воскликнет он:
– Лови меня!

* * *

Один летает круто в вышине.
Другому так не суждено
подняться.
В финале оба лягут в тишине
На равной глубине –
два двадцать.

* * *

С десяток лет назад
подумать кто бы мог,
что с русским языком
случится вдруг проруха:
что подзаборный сленг
подменит русский слог, –
в привычный превратясь
для глаза и для уха.

* * *

Правители страны моей
Решают важные задачи.
В итоге: бедные – бедные.
Богатые – ещё богаче.

* * *

Сперва придут. Потом уйдут.
Опять придут обратно.
Друг дружке власть передадут –
И им, и нам приятно.

* * *

Бюрократы – жирные коты
На мышей взирают с высоты.
Гнать бы этих всех котяр взашей –
Да силёнок мало у мышей...

Слова о равенстве - враньё

Олег МАНЗАНОВ,

с. Архиповка, Приморский край

Архиповка

Отторгая и маня,
деревенка ждёт меня,
позаброшена-забыта,
как последняя родня.

По верховьям Усури
не мелькают сизари,
но земля преурожайна,
не ленивы косари.

В разнотравье скот пасут,
зелье гонят и сосут,
на досуге ахиною,
околесицу несут.

Околесица проста,
позкранным не чета:
в телебаты, в телешоу
не въезжает ничерта.

Осень грянет – новый «зуд»:
в горы лезут и ползут.
Перекупщики лимонник*,
«корень»** «втихую» везут.

Кто-то свылся с нищетой,
Кто-то с мордой испитой,
у кого-то аллергия
к самой выпивке простой.

Лимонник – лиана, «приморский виноград».
«Корень» – женьшень.

Огни

В июле не стало мамули,
бабули не стало в июле,
совсем мы остались одни.
Нету вестей от папули,
проблемы его умыкнули,
совсем мы остались одни.

Когда у сестрёнки есть братик,
не очень и тянет в детсадик,
только бы корочку съесть.
Очерствелую хлебную корку
со вкусом жуём, как икорку,
какие же сладости есть!

Устроят нас скоро в приюте,
мы будем в тепле и уюте,
нас нянечки будут жалеть.
Там голод уйдут и простуда,
с друзьями не будет нам худа,
не будем мы часто болеть.
Конечно, мы вырастем скоро,
пусть помнят нас те без укора,
которые нам помогали,
но всё-таки: как же без мамы,
без бабушки, папы, когда мы –
игрушки для них берегли?

Ворона

Притихли птахи. Из-под крон –
чумное карканье ворон.

Слова о равенстве – враньё,
коль сильный слабого шпыняет.
И в нашей жизни вороньё
иных крылатых вытесняет.

Но быть планете безопасною,
не знать фатального урона:
пока последней в Книгу Красную,
не будет вписана ворона.

Равнодушие

Равнодушию нет предела,
нарастает от серых плит.
Кому и какое дело –
у кого и что болит?

От безденежья спала давка,
у прилавок и в поездах.
И не трогает взгляд-удавка,
промелькнувший в пустых глазах.

Всюду видео, всюду порно,
перед Западом пали ниц.
От того он так прёт упорно,
без приличий и без границ.

Равнодушию нет предела,
нарастает от серых плит...
Душа не находит дела,
без вина голова болит.

Птаха

За окном промелькнуло крыло
озабоченно мчащейся птахи.
Только ей не тужить о былом,
для неё – настоящие страхи.

Диалектика жизни проста
и мудра, как пернатое тело:
отдохни, если очень устал,
или пой, коль душа захотела.

И не надо излишних забот,
они тоже бывают фальшивы.
Чему быть, то от нас не уйдет
в вечном споре труда и наживы.

Не стесняйся понять муравья,
неуёмного в сушь и ненастье.
В этом, может быть,
мудрость твоя
и частица какая-то счастья.

Лира

Не сотвори себе кумира,
тем паче власть не обеляй.
Воспринимай спокойно, лира,
пустые взгляды, пёсий лай.

Крепчает кайф, дичает мода,
страна давно уже не та.
«Драконы острова Комода»,
мы – в ожидании кнута.

Траву щипаем, как бараны,
от жоака прозрений ждём.
Мы в Книгу Красную войдём,
как недобитые вараны.

Не угасай, надежды Лира,
любовью к слабому пылай.
Не сотвори себе кумира,
тем паче – власть не обеляй.

«Уберите этот торт!»

Иван ТАРАН,

г. Омск

Анализ стихотворения Вероники Шелленберг

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

Ещё не вышедшим в тираж

А и пусть редакторский топор
заржавеет в лесополосе!
Мы не облетели до сих пор,
шелестим во всей своей красе.
Вон, бежит на склон зелёный клён
и никак не может добежать...
Этой сладкой мукой удивлён,
длит свою земную благодать.
Острый запах зелени и трав
режет наш ветвистый черновик...
Тоже ведь редактор... Также прав
для ещё бегущих вероник.

Вероника Владимировна Шелленберг – член Союза российских писателей, автор журналов «Арион», «День и Ночь», «Дети Ра», «Сибирские огни». Окончила Литературный институт имени М. Горького. Лауреат молодежной премии имени Ф.М. Достоевского.

Как некоторые уже поняли, название настоящей статьи представляет собой строчку из стихотворения Маяковского «Птичка божия», в котором изображён разговор настоящего советского писателя с легкомысленным пассажиром, «тинтидликавшим мандолиной, дундудевшим виолончелью». Заканчивается стихотворение так:

В испытанье
битв
и бед
с вами,
што ли,
мы
полезем?
В наше время
тот –
поэт,
тот –
писатель,
кто полезен.
Уберите этот торт!
Стих даёшь –
хлебов подвозу.
В наши дни
писатель тот,
кто напишет
марш
и лозунг!

Я не думаю, что творец непременно должен быть полезным. Искусство слова выше пользы. Кроме того, тво-

рец должен быть поэтом, а не агитатором. Но вот то, что настоящая поэзия – это не торты, а хлеб насущный – действительно ценная мысль. Думаю, с такой мыслью согласятся и порочные декаденты наподобие меня, и право-славный писатель, и писатель-коммунист.

Но «Ещё не вышедшим в тираж» – один из тортов. Здесь вы не найдёте ни острых социальных проблем, ни «проклятых вопросов». Впрочем, можно обойтись и без того, и без другого. Однако стихотворение Шелленберг вообще не назовёшь интеллектуальным.

После него хочется почитать «Прокляты и убиты» Астафьева, рассказы Александра Плетнёва, стихотворения Некрасова и Джакомо Леопарди. Хочется настоящего, серьёзной литературы.

Леопарди – великий мастер. Он был, выражаясь современными понятиями, «ботаником», причём большим и глубоко несчастным. Но граф Леопарди обладал поражающей воображение силой духа, он ставил перед собой и своим читателем такие страшные вопросы, на которые не хватило бы смелости у сильной женщины Вероники Шелленберг.

Самое страшное, на мой взгляд, стихотворение Джакомо Леопарди называется «Закат луны». В нём жизнь человека сравнивается с ночью:

Вам, холмики и берег,
Когда на западе исчезнет блеск,
Сребривший ткани ночи,
Быть сырими недолго,
Уже с другого края,
Вам ослепляя очи,
Светлеет небо и встаёт заря,
И следом всходит солнце,
Своим огнём могучим
Воспламенив восток,
И наводняет световой поток
И вас, и глубь эфира.
Но жизнь, когда прекраснейшая юность
Исчезнет навсегда,
Не озарится светом никогда.
Ей быть вдовою до конца; и ночи,
Что остальные годы омрачила,
Божественный предел один – могила.
(Перевод А. Наймана)

А что так называемые декаденты? Разве их лучшие произведения – торты, а не хлеб насущный? Вот, например, отрывок из стихотворения в прозе Стефана Малларме «Осенняя жалоба», в котором автор задумывается о том, как пережить утрату:

«С той поры, как Мария покинула нас и её приютила

другая звезда (Орион, Альтаир или ты, зелёная Венера?), с той поры я навеки избрал одиночество. Много дней провёл я один со своей кошкой, я говорю – один, ибо рядом не было другого живого существа: кошка моя – спутник мистический, дух. И так, я вправе утверждать, что проводил долгие дни один, наедине с кошкой, наедине с позабытым римским поэтом периода упадка. С той поры, как ушло из жизни дорогое мне, бледное создание, я странным образом привязался ко всему, что отмечено этим словом – упадок». (Перевод Р. Дубровкина.)

***

Прочитав первый раз «Ещё не вышедшим в тираж», я почувствовал, что в этом тексте что-то не так. Потом понял: стихотворение представляется мне растянутым.

Оно состоит из не являющегося образом названия и цепочки образов: заржавевший в лесополосе редакторский топор, шелестящие во всей своей красе деревья, бегущий клён, «острый запах зелени и трав», бегущие вероники.

Ещё до Белинского было известно, что настоящий поэт образами мыслит.

А что мы любим в мыслях?

Думаю, контрасты, динамику, разнообразие, сшибку противоположностей.

Да, каждый образ из стихотворения Шелленберг несёт что-то своеобразное. Читатель может задуматься над тем, что символизируют шелестение, клён (не берёза, не ель, а именно клён), имя Вероника и т.д. Стихотворение всё-таки даёт кое-какую пищу разуму. Но этой пищи мало. Потому что все данные образы в конечном итоге символизируют одно и то же – жизненный порыв. В каком-то смысле их цепочка похожа на ёлочную гирлянду с одинаковыми огоньками. Отсюда недостатки стихотворения: тематическое однообразие, статичность, растянутость.

Своей архитектоникой текст напоминает ранний неудачный опыт Тютчева «Весеннее приветствие стихотворцам»:

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! –
Творенью пир даёт природа,
Свиданья пир даёт сынам!..
Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвеваает нас!..
И радость в сердце пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как Бога животворный глас!..

Или «Весенний день» Северянина – стихотворение, посвящённое К.М. Фофанову:

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!
Душа поёт и рвётся в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Вторую строфу «Ещё не вышедшим в тираж» можно было смело выбросить. И не только потому, что она мало

чего прибавила к первой. Выражение «сладкая мука» уже вышло в тираж. Оно заставляет вспомнить и нищенскую философию абсолютного утверждения (термин Альбера Камю), и светлую печаль из стихотворения Пушкина, и душевную «сладкую боль» из романа «Прокляты и убиты». Да и у Шелли было нечто подобное. А вот вам Северянин:

Поёт душа, под осени берсеусе,
Надёжно ждёт и сладко-больно верит,
Что он придёт, галантный мой Экссес,
Меня возьмёт и девственно озверит.

(Пунктуация автора сохранена.)

В стихотворении Шелленберг что-то неладное творится со стилем. Как всё-таки не сочетается эта нищенская «сладкая мука» с разговорными «выйти в тираж», «а и пусть!», «благодать» (слово «благодать» употреблено здесь именно в разговорном значении). Вторую строфу убираем.

Убираем и третью, тем более что сравнение «острого запаха зелени и трав» с редактором – это оригинальничанье. Остаётся четверостишие:

Ещё не вышедшим в тираж

А и пусть редакторский топор
заржавеет в лесополосе!
Мы не облетели до сих пор,
шелестим во всей своей красе.

Чем не стихотворение? Текст, вполне пригодный для печати.

Но и в таком виде «Ещё не вышедшим в тираж» оставляет желать лучшего. Дело в том, что автор не ставит в стихотворении о жизненном порыве вопрос о смысле жизни. Шелестеть – зачем? Бежать – зачем?

Таким образом, текст вышел не интеллектуальным, а развлекательным. Он служит главным образом для поднятия настроения. Что ж, и это кому-нибудь нужно.

Несколько слов о других стихотворениях книги Вероники Шелленберг «Сны на склоне вулкана». Да, это поэзия, но мне такая поэзия почти ничем не интересна. Чтение этой книги было для меня просто скучной работой. Иногда попадаются дурацкие ляпы: «шерсти глупый комок» (о котёнке), «реет хвост» (о кошке). Нельзя признать удачным и следующий образ: «Рассвет не жалеет спелых / яблок янтарных». Где можно увидеть янтарные яблоки? В повидле, где же ещё? А гастрономическая тема вряд ли уместна в стихотворении о высоких материях, которое, кстати, напоминает Бродского. У Шелленберг: «<...> За всё, что было и не было, – / я благодарна». У Бродского: «<...> пока мне рот не забили глиной, / из него будет раздаваться лишь благодарность».

Есть в Омске авторы, одарённые не менее, чем Вероника Шелленберг. Когда увидим в серии «Библиотека омской лирики» книги Николая Разумова и Александра Плетнёва? Или сборник молодого, но многого добившегося в жизни поэта Игоря Федоровского? Пока руководители проекта «Библиотека омской лирики» обращают внимание в первую очередь не на талант, а на социальный статус писателя.

Вот что печально.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Юрий МОЧАЛОВ,

р.п. Линёво Новосибирской области

Ну, швабра, держись!

Старенький теплоход «Москва» подходил к пристани нового речного вокзала. Разбитная Наташка, числившаяся на судне матросом, драила палубу шваброй. В обязанности матроса входило бросать чалки на берег, поддерживать чистоту на теплоходе и проверять билеты у пассажиров.

С палубой пора было кончать. Над головой уже повис коммунальный мост. «Зачерпну последнее ведро – и к сходням», – подумала Наталья.

Прислонив швабру к борту, она бросила за него пустое ведро, привязанное к веревке. Ведро быстро наполнилось водой и потянуло Наташку вглубь могучей Оби. Стараясь удержаться на палубе, Наталья нечаянно схватилась не за борт, а за швабру и вместе с ней полетела вниз.

Быстрое течение подхватило ошеломленную женщину в тельняшке и промасленной телогрейке, понесло под мост. Чтобы не утонуть, Наталья мертвой хваткой держалась за швабру.

В это время из Затона шел, тарахтя, буксиришко. С него и заметили Наташку. Кто-то шустро сорвал с по-

жарного стенда багор и в последнее мгновение зацепил утопающую за телогрейку.

Вытащив на палубу перепуганную бабенку, речники поинтересовались:

– Откуда плыла, красавица? Да ты, швабру-то брось и разотрись!

Но Наташкины пальцы судорожно сжимали древко. Один из матросов попытался отнять у нее деревяшку, но не тут-то было! Тогда он хитро подмигнул своему корешу:

– А ну-ка, Васька, тащи топор. Мы сейчас эту швабру вырубим вместе с руками!

Услышав такое, Наталья, заикаясь, залепетала:

– Н-н-е-е-льзя... Это же и-и-н-вентарь судовой. Я за него в ответе.

И все же при виде большущего топора она невольно разжала пальцы.

Тем временем буксир подошел к «Москве», и капитан, взяв рупор, прокричал:

– Эй, москвичи! Вы что это разбрасываетесь своими матросами с казенным имуществом?!

Навытяжку

Воинское братство, как и разгильдяйство, – это не вымысел. В свое время мой знакомый Васька Сидоров служил в Чечне на складе ГСМ. Веселый, находчивый паренек как-то быстро сошелся с местными. Он им ящик другой тушенки, а они ему – самодельного бензина, мазута. У чернобородого Расула была своя скважина.

И вот однажды на склад, на БТРе, подлетает генерал Иванов:

– Прапорщик Сидоров! Быстро заправь машину. Дорога каждая минута. У нас сейчас в горах облава на боевиков. Что-то расшалились ребята.

Васька расторопно заправил расуловским дизтопливом БТР, и генерал укатил. Дизтопливо-то и подвело. Когда генерал въехал в ущелье пролитых слез, БТР «зачихал» и заглох.

А в этом месте боевики устроили засаду. Они шахранули по боевой машине из гранатомета, и БТР загорелся. Из дымящейся машины выполз генерал Иванов. Раненный в ногу, постанывая от боли, он быстро стал от-

ползать за валун. Тут его и настиг с острым кинжалом Расул. Приставив к горлу лезвие, он заглянул в стальные глаза генерала и увидел себя в них, молоденького солдата, стоящего навтыяжку перед майором Ивановым в Афгане под Кандагаром. Майор награждал медалями отличившихся солдат в боях с душманами.

– Товарищ генерал! Вы меня помните? – срывающим голосом спросил чернобородый. – Это я, Расул.

– Еще бы. Таких горных орлов по гроб жизни не забудешь. – Лицо генерала искривилось от боли. – Ты кинжал-то спрячь, Садыров. Я вижу, сюда по дороге арба ползет. Отвези-ка ты меня на ней, нет, не в санчасть, а на склад ГСМ. Там я этому мерзавцу Сидорову хорошую баню устрою с тяжелым паром. Пусть постоит передо мной навтыяжку.

Положили раненого на арбу, и Расул, махнув рукой боевикам, повез его по горной дороге ущелья в голубую даль. А куда повез, одному Аллаху известно.

Археологические тайны

Анастасия КАРАВАЕВА,
г. Арсеньев

В окрестностях города Арсеньева находится множество различных археологических памятников. В Анучинском районе, у села Шекляево, самый знаменитый из них – Круглая сопка, что высятся на левом берегу реки Арсеньевки (Даубихэ), которая в словаре В.К. Арсеньева значится как Дау-Бин-Хэ.

Здесь неоднократно производились раскопки под руководством научных сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН), в том числе – кандидатом исторических наук, автором первых двух глав учебника «История российского Приморья» А.Л. Ивлевым.

Во время оно здесь располагался город, на реке стояла застава, защищавшая часть империи чжурчженей. В период раскопок археологи нашли самые разнообразные предметы: железный ключ, фарфоровый кусочек чашки, металлический наконечник стрелы, грузило, панцирную пластину из одежды воинов, боевые ядра, фрагменты черепицы и многое другое. Находки относились к чжурчженской и к бохайской эпохам.

Неподалёку от села Орловка находится Орловская крепость. Длина крепостного вала – более трёх километров, защитное сооружение огибает крепость по склону двух сопкок, между которыми находится глубокий ров. Вдоль рва в шахматном порядке размещены квадратные площадки-стоянки. Учёные находили здесь каменные и железные наконечники стрел, скребки, боевые топоры.

К северу от города Арсеньева, через село Новосысоевка, проходил менный (торговый) тракт. В окрестностях упомянутого села местные жители при вспашке огородов находили медные кольца от упряжи, чаши, мотыги, ступы, монеты, посуду и прочие предметы обихода.

В районном центре – селе Чугуевка – до сих пор сохранился вал бывшего городища, о котором писал в воспоминаниях писатель Александр Фадеев. В музее села собрано немало экспонатов, демонстрирующих высокий уровень развития государства чжурчженей, – монет, черепков, ядер и пр.

В начале XXI века археологический мир облетела новая сенсация: приморские и южнокорейские учёные под селом Кокшаровка Чугуевского района нашли крупный административный центр Бохайского государства. На территории исторического памятника обнаружено множество фрагментов предметов из обожжённой глины, посуды, украшенной рисунками. Подобные находки свидетельствуют о мастерстве исполнителей.

Раскопки городища превзошли самые смелые ожидания. Был обнаружен роскошный дворец Бохайского государства – огромное по тем временам здание, какого на территории Приморья ещё не находили.

Самой ценной оказалась находка сгоревшего административного здания, размеры которого поражают – 90 метров в длину и 25 – в ширину. Учёные не могли даже предположить, что в этих местах в древности располагались здания административного типа. Остаётся выяснить центром какой административной единицы являлось обнаруженное строение.

По словам исследователей, археологические раскопки на Кокшаровском городище прольют свет на историю средневековья на Дальнем Востоке, раскроют истоки культуры коренных народностей, издревле населяющих территорию современных Приморья и Приамурья.

ПОЭЗИЯ

Ян БРУШТЕЙН,
г. Иваново

Под мостом

Под широким городским мостом
Шла собака с носом и хвостом.
И читала, тихая, она
Всякие собачьи письмена.
Шла в сырью и гулкой полутьме,
Выписав ответ в своем письме:
Мол, иду, хромая и ничья,
Посреди бездушья и вранья.
Лапу мне подбил какой-то гад,
Потроха от голода горят,
Но в последний свой собачий час
Я не полюблю домашних, вас...
Шла собака, а навстречу ей
Попадались несколько людей.
Кто-то брел, а кто-то метил мост,
Кто-то в лужу организм врос,
И, друг друга лапами обвив,
Двое слиплись, видимо,
в любви...

Под мостом отдельная вода
Тоже шла спокойно в никуда,
Тихо уносила мимо них
Души мертвых, голоса живых.
Гулким эхом, бьющим через край,
Остывал над ней собачий лай.

Нить

Выводит художник
последний рассвет,
Он знает,
что выпадет завтра ему –
Ворует художник из россыпи лет,
Рисует себе и тюрьму, и суму,
Малюет укрытый деревьями дом,
Веселых и злых
нерожденных детей,
Жену, что старательно
плачет о нем,
И друга (утешит без всяких затей).
Залетная птица – всего три мазка,
За ней плотоядно
крадущийся кот,
И лишь у собаки застыла тоска
В глазах. И сегодня –
петух не споет.
Задымленный сад –
нечто вроде Ватто,
Забор покосился –
пора подновить...
Художник встает.
Надевает пальто.
Уходит. И здесь обрывается нить.

Без вины виноватые

Владимир ЗАМЯТИН,
г. Красноярск

Наталья Карловна Большеглазова, помощник бухгалтера, жила более чем скромно, по своим весьма небольшим средствам – не только богатого, но и обыкновенного мужа Бог не дал, а на собственную зарплату, как говорится, не разбежишься. Поменять же работу на более доходную выпускнице биофака никак не удавалось. Вот она и сэкономила на всем возможном и даже невозможном: торговалась на базаре, была завсегдаем распродаж, «секонд-хэндов» и хранительницей целой коллекции дисконтных карт. Однако тихого женского счастья на почве такой разумной финансовой стратегии так и не испытывала.

Самым заветным желанием Большеглазовой было получить от жизни что-нибудь стоящее, но непременно за полцены. Однако на всем не сэкономишь. Случается в жизни и всякое непредвиденное, тем более с такими мнительными существами, как наша героиня.

В этот вечер Наталья, как часто с ней случалось раньше, расположилась перед телевизором и, посматривая одним глазом на экран, принялась вязать. В новостях президент России распекал некоторых медицинских чиновников за плохое состояние учета медицинской документации. Хотя, по правде сказать, вина в чем-либо руководителей осталась за кадром.

Эта незначительная для Большеглазовой информация ни коим образом не могла повлиять на ее материальное положение, но все же произвела серьезное воздействие на безмятежно дремлющее подсознание. Через двадцать минут Наталья Карловна почувствовала резкие боли сразу в трех частях своего вроде бы контролируемого тела.

Как бы человек ни был здоров, все равно ему, хотя бы изредка, пусть даже по незначительной причине, приходится обращаться к врачам. Вот и наша Наталья на утро, получив в регистратуре свою медицинскую карточку, направилась на прием к своему участковому.

Обычно, когда у Большеглазовой выдавалась свободная минутка, она подводила дебет-кредит своего экономического благополучия. Но это был совсем другой случай. Сколько уже написано, что чрезмерное любопытство до добра не доводит, но все без толку! Присев на диван перед кабинетом, Наталья Карловна открыла первую попавшуюся страницу и начала изучать самое сокровенное: занимательную летопись своего физического состояния.

«Порок сердца», – с безмерным удивлением прочитала она первую попавшуюся на глаза фразу. Эта мажорная фраза резко изменила спокойное и даже где-то благодушное настроение Большеглазовой. Мгновенно в груди у нее похолодело.

«Неужели я так серьезно больна? Крашусь, пудрюсь, завиваюсь и не подозреваю, что все это напрасно. А эти врачи-коновалы, что же они об этом молчат? Нет, нет. Наверное, не могут сказать – ведь это врачебная тайна. А я, бестолковая баба, и не подозревала, что хожу по кромке самого настоящего летального исхода!»

«Разжижение мозга на почве увлечения телесериалами, ждем вопросом», – наткнулась взволнованная Большеглазова на очередную запись. Наталье стало невыносимо душно. Эта неожиданная и оттого еще более страшная информация буквально подкосила ее.

Но, оказывается, это были еще цветочки!

«Инвалидность второй группы», – черным по белому, как итог неверного образа жизни, было написано в карточке. И тут совсем неожиданно эта кажущаяся чудовищной фраза принесла ей радужные эмоции.

«Вот те раз! Это уже лучше. Хорошо, я – инвалид. Но где же тогда полагающиеся мне нашим любимым государством льготы?! Как минимум бесплатную коляску я заслужила! Возмутительно! Никто даже не поставил меня об этом в известность! А сама я о них даже и не подозревала!... Вот сволочи эскулапы-бессеребренники, ловко пудрят мозги нашему беззащитному народу! Очень жалко, что парткомы отменили!»

Она посмотрелась в зеркальце, силясь понять: как изменила инвалидность ее внешность, сделала глубокий вдох-выдох и, перевернув следующую страницу, про себя решила уже ничему не удивляться.

«Прогрессирующий парез конечностей».

«Надо же! Да, действительно, на прошлой неделе у меня болели ноги. Но я и не подозревала, что это было уже началом моей парализации!»

Наталья на секунду, было, решила остановиться в поисках такой волнительной правды, но что-то подсказывало ей, что самое интересное еще впереди. Девушка легко перевернула очередную страницу.

«Выделена путевка на курорт», – ничего себе открытие!

«Стоп. Но я же ее не получала! А... Все ясно: ее выделили какому-то бедному врачу, зарплаты у них маленькие, что с них взять, а на случай для ревизии записали в мою карточку...».

Неожиданно Наталья обнаружила в тексте, что у пациента развивается застарелый простатит.

«Боже мой! Как простатит, а не целюлит? Как у пациента? Но ведь это слово не женского рода! Что это такое – описка или, о Боже, я – скрытый закодированный трансвестит? Ведь в начале карточки было записано «пациентка!» Во, дает наша медицина! Пока хожу по врачам, они меня, кажется, кодируют. А что? Вполне может быть».

Наконец, страшная догадка вдруг буквально поразила ее:

«Господи! Что же это я сразу не поняла. Неужели из-за всех этих недугов я постепенно превращаюсь в мужчину? Призывников в стране не хватает, а молодые люди «косят» от военкоматов, так ученые вполне могли придумать, как на нас, слабых молодых незамужних женщинах ставить чудовищные эксперименты по смене пола! Ужас!!! Что же делать?»

Перед ней пролетела вся ее жизнь. Наталья Карлова вспомнила детский садик: как она играла в песочнице со своим другом Димой. Школу, выпускной бал. Институт, своих подруг Свету и Клаву. Мысль, что скоро она станет мужчиной, была не только невыносима ей, но и просто отвратительна, тем более, что наверняка придется теперь серьезно потратиться на мужской гардероб. Последнее, что ей оставалось – это «звонок другу», то есть Виктории Загребушей. Она торопливо достала из кожаной сумочки телефон и поведала лучшей подруге свою страшную врачебную тайну.

«На другом конце провода» в ответ на душевные излияния Большеглазовой раздались самые настоящие нешуточные рыдания. Далее продавец уличной торговли с двумя высшими образованиями призналась в содеянном:

«Наташенька! Я давно хочу перед тобой покаяться. Это я виновата в твоих бедах. Помнишь, я подарила тебе французский крем «Кукушечкино молочко», который приобрела в фирме своего жениха Леша на распродаже в день ракетных войск и артиллерии? Так вот, оказывается, меня жестоко обманули: это средство для быстрого роста волос. И оно повышает выработку мужских гормонов. Но это все ерунда. Самое главное, мой Леша чувствует что-то не ладное и не звонит мне уже шестой день. Пусть только появится перед моими, не просыхающими ни днем, ни ночью глазами. Я ему задам!»

Большеглазова выронила сумочку, которая, видно, теперь ей уже была не нужна, и на мгновение ощутила полное отсутствие восприятия собственного тела. Только сердце ее отчаянно билось и не сдавалось никаким напастям судьбы, в том числе и откровенному предательству подруги. Наталья Карловна не могла себе представить, как она будет бриться по утрам, зачесывать лысеющую шевелюру и, самое страшное, ежедневно носить эти дурнопахнущие носки.

Вдруг Наталья, восторженно приняла единственно правильное в этой ситуации решение: жестко оттолкнув двух потенциальных соперниц, решительно распахнула дверь и ворвалась в кабинет:

«Я не могу больше! Не хочу быть мужчиной! Сделайте все, чтобы я была женщиной! Я хочу женского счастья! Пожалуйста!!!» И уже тише свое любимое: «За полцены...»

И вот, как результат своего несколько авантюрично демарша Большеглазова воочию увидела ошарашенное лицо врача, в одночасье потерявшего и дар речи, и способность двигаться. Дело в том, что на приеме у доктора Василькова за последний месяц побывало около тысячи пациенток. Все они, страдающие огромным количеством различных недугов, не вызывали

у него никаких эмоций, причем ни одна из них не просила лично у него своего женского счастья.

Тем временем медсестра, проявив разумную предусмотрительность, стала плавно перемещаться к двери, а, скрывшись за ней, для надежности заперла дверь на огромный замок и вывесила табличку:

«Тише! Просьба не беспокоить!»

Затем объяснила нездорово оживившейся очереди, что тяжелый больной требует особых усилий медспециалиста.

В конце концов, все благополучно разъяснилось. Такое трудно было даже предположить: в результате ревизии и восстановления растрепавшихся документов, медицинскую карту нашей героини беспардонно соединили с другой картой – восьмидесятилетнего ветерана Сергея Николаевича Пузичкина, надорвавшегося на неподъемном литературном труде!

В процессе взаимных извинений доктор Васильков и Наталья более чем заинтересовались друг другом. Особенно их сблизило то обстоятельство, что они страстно мечтали посетить Мексику, родину гигантских кактусов. Надо сказать, что фразу «пациентка хочет счастья» Васильков занес в восстановленную медицинскую карточку Большеглазовой, которую любовно отпечатал на принтере и надежно запер на ключ в верхнем ящике своего стола. А каждое утро, приходя на работу, он, неторопливо пережевывая холостяцкие бутерброды, профессионально изучал самое сокровенное в ее содержимом. Многократно повторяя волшебные параметры тела пациентки, напевая почти шепотом словосочетание «не замужем», доктор Васильков почти впадал в романтический транс, подогреваемый мечтами о материнском капитале. Впрочем, подобное состояние внезапного блаженства требовало конкретного выхода. Долго так это продолжаться не могло. А когда на планерке главного врача он в полузабытье погладил по коленке начмеда Патрикееву, то понял, что готов совершить самый серьезный мужской поступок.

Всего через полтора месяца доктор Васильков женился на Наталье Карловне. Свадьбу справили по высшему разряду. Но благодаря необычайно активным стараниям невесты и ее специфическому опыту, на церемонию удалось потратить средств вдвое меньше, чем предполагалось ранее. То есть наша героиня полностью запрограммировала свою мечту! А ведь все началось с выступления президента.

Как бы там ни было, но супруги Васильковы единодушно договорились строить отношения с учетом того, что говорят руководители государства.

На этом следовало бы поставить точку в этом повествовании, чтобы не испортить хэппи-энда, поскольку новоявленных молодоженов наверняка ждет множество бытовых проблем.

Да и статистика разводов в нашем государстве не внушает оптимизма.

И вот, как бы в результате не остался президент и его команда в очередной раз без вины виноватыми в несостоявшемся семейном счастье Васильковых? Хотя и за полцены!

Полное сходство

Даниил АЛЕКСЕЕВ,

г. Владивосток

главы из повести «Спасти Белоснежку»

Домик егеря

Оля стояла у крыльца лесной избушки. Странно, что переход в сказочный мир происходит так незаметно. Оля опять не заметила никакой границы. Впрочем, стоит ли в сказке удивляться чудесам? В данный момент её гораздо больше интересовали назначивший ей встречу Дарин и попавшая в беду Белоснежка. Гнома нигде не было. Девочке послышался шорох за углом дома. Она радостно побежала на звук, но и за углом никого не оказалось. Ей почудилось, что на неё кто-то смотрит. Оля обернулась, но вновь не обнаружила ни души. Это уже начинало нервировать.

– Дарин, ты где? – крикнула девочка. Но никто не ответил.

– Может быть, Дарин ждёт меня в доме? – Оля поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

Дверь распахнулась, словно её ждали. Но вместо гнома она увидела маленького седого человека в чёрном сюртуке, опиравшегося на изящную тросточку.

– А где Дарин? – растерялась Оля.

– Он задерживается, поэтому попросил меня тебя встретить, – с выражением холодной важности на лице ответил седовласый. – Ты проходи, не стесняйся.

Человек в чёрном сюртуке ободряюще улыбнулся девочке. Но если он хотел её приободрить, то Оля только насторожилась. Улыбка вышла кривоватой и плохо сочеталась с цепким взглядом прищуренных глаз.

– Я вас не знаю.

– Зато я тебя давно жду. Ведь тебя зовут Оля?

– Да, а откуда вы знаете?

– От нашего общего друга. Заходи, сейчас я тебе всё объясню.

Девочка по-прежнему колебалась, седовласый не выждал у неё доверия. Но за спиной возникли внушительные фигуры со скрещенными алебардами, и у неё не осталось выбора.

Человек в чёрном сюртуке провёл её в большую комнату с горящим камином и усадил в мягкое кресло. На стенах висели медвежьи шкуры и головы разных зверей. Огонь уютно потрескивал, но Оля чувствовала себя здесь неуютно, ей было жалко убитых животных. Седовласый устроился в таком же кресле напротив неё:

– Я – советник короля Готландии Фридриха Терпеливого. Меня зовут Ухо. Впрочем, это не настоящее имя. Но моего настоящего имени не знает никто, даже король, потому что я – тайный советник. Король советуется со мной только по самым сложным и секретным делам.

Лицо и без того напыщенного маленького человека стало ещё более самодовольным и надменным.

– Но при чём тут я? – спросила сбита с толку Оля.

Ухо достал из бокового кармана сюртука лорнет и ещё раз пристально осматрел девочку. Под этим взглядом Оля почувствовала себя букашкой под микроскопом. Тайный советник был очень доволен произведённым осмотром:

– Так-так, рост подходит, возраст подходит, ты – то, что нам нужно!

– Я ничего не понимаю в ваших секретных делах! Объясните, что тут происходит. Я только хотела помочь Белоснежке...

– Превосходно! Ей просто необходима твоя помощь! Дело в том, что принцесса Белоснежка и королева Изольда не смогли ужиться в одном дворце. И королева-мачеха потребовала смерти принцессы. К сожалению, наш король влюблён в Изольду без памяти и ни в чём не может ей отказать. Но он не может и допустить гибели принцессы, своей единственной наследницы. Он попал в безвыходное положение и к кому, ты думаешь, он обратился?

– К вам?

– А ты умнее, чем можешь показаться. Естественно, он обратился к своему тайному советнику, то есть ко мне. А я посоветовал спрятать наследницу и объявить о её смерти. Мы так и сделали. Белоснежку отправили к её двоюродной бабушке, только обещай никому об этом не говорить – это страшная государственная тайна.

– Ну, конечно же, я никому не скажу.

– Вот видишь, какое я тебе оказал доверие, так что и ты мне должна доверять. Так вот, принцессу отправили к бабушке, о чём знали только король, я и ещё несколько человек, которые её сопровождали. Для остальных она заблудилась в лесу, и её растерзали волки.

«Опять всё сваливают на бедных волков, – подумала Оля. – Хорошо, что этого не слышит мой знакомый Серый Волк».

– И всё бы у нас было хорошо, но королева узнала, что Белоснежка жива.

– Естественно, у неё же есть Волшебное Зеркало. Как вы это не предусмотрели? Неужели нельзя было его разбить?!

– А ты ещё умнее, чем я думал, – мрачно сказал тайный советник, сразу растеряв всю свою надменность. – Конечно, я об этом подумал, но разбить Волшебное Зеркало не так-то просто. Это практически невозможно. Так что теперь Изольда требует показать

ей Белоснежку, якобы, она очень переживает в каком состоянии бедная девочка. А как её показать, если она далеко-далеко?

– Так вы хотите, чтобы я сыграла роль Белоснежки?!

– От тебя ничего не скроешь! Я ещё никогда не встречал таких умных девочек! Так ты сможешь нам? – Ещё недавно такой важный советник смотрел на неё умоляюще.

– Но я же совершенно не похожа на неё! – удивлённо воскликнула Оля. – У Белоснежки чёрные волосы, а у меня светлые; у неё кожа белая как снег, а у меня всё лицо в веснушках!

– Как раз это не проблема, маэстро Зверенгоф, приступайте!

Королевский стилист

В комнату, словно вихрь, ворвался длинный худой человек с выпученными подведёнными глазами; большими, как вареники, губами; длинными осветлёнными тщательно завитыми волосами; тонкими изящными пальцами и сверкающими лаком ногтями. Если бы не стильные бакенбарды, девочка вообще приняла бы его за женщину. С точки зрения Оли, он был одет крайне нелепо. Его напоминающий женское платье костюм был сверх всякой меры расшит драгоценными камнями и блёстками, украшен лентами, рюшечками, пряжками и перьями, а венчал всё это варварское великолепие огромный бант на шее. Сходство с женщиной придавали также модные в эту эпоху шёлковые чулки и бархатные ботфорты, а также серьги в ушах. Человек напоминал расфуфыренного павлина, который от сознания собственной неотразимости нелепыми прыжками кружил по комнате и замирал в самых нелепых и неестественных позах. В довершение всего от него за версту разило дорогими духами.

– Маэстро Зверенгоф – королевский стилист, – выдержав эффектную паузу, представил Ухо. – Он сделает из тебя Белоснежку.

– Но я ещё не дала согласия... – начала, было, Оля.

– Брось, киска! Неужели ты не хочешь стать принцессой!!! – противным слащавым голосом пискнул Зверенгоф. – Маэстро в шоке! Да ко мне все придворные дамы в очередь стоят и платят огромные деньги! А тебе всё достанется бесплатно! Всё будет чудненько и гламурненько! Мой девиз: «Больше гламура и макияжа, и мама родная не узнает вас даже!» Да знаешь ли ты, кто создавал имидж Белоснежки?! Это моя безусловная творческая удача! Девочка, белая как снег, румяная как кровь, с волосами чёрными, как крыло ворона! Стильненько, гламурненько, просто чудо!

– Неужели это вы придумали? – пробормотала сбивая с толку Оля.

– Конечно, я! Кто ещё мог такое придумать?! И эту байку про розу, которая расцвела среди зимы, тоже я сочинил! Так что не бойся, киска, ты будешь в тренде! Всё будет гламурненько!

Зверенгоф бегал вокруг Оли, улыбаясь своей широкой неестественной улыбкой, и у бедной девочки зарябило в глазах. Она совершенно обалдела, словно загнипнотизированная неистовым напором этого свер-

кающего, словно новогодняя игрушка, павлина. Она даже не заметила, как он, словно цирковой фокусник, достал откуда-то розовый чемоданчик и стал вынимать из него множество расчёсок, шпилек, фигурных бутылочек, шампуней, а также румяна, белила, тушь и ещё много всего такого, что можно увидеть разве что в салонах красоты, в которых девятилетняя девочка, естественно, никогда не бывала.

– Разве можно так себя запускать, киска! Маэстро в шоке! Чувство настоящего стилиста нужно развивать с самого детства! Но тебе повезло, киска, ты попала в надёжные руки!

И беззащитную Олю накрыл бешеный смерч под названием королевский стилист маэстро Зверенгоф.

Когда ураган гламура отбушевал, маэстро принёс зеркало. Оля ощутила себя девушкой из передачи «Снимите это немедленно», которую иногда смотрела с мамой. Предвкушая нечто ужасное, девочка с содроганием глянула в зеркало, но то, что она увидела, превзошло самые жуткие ожидания. На неё смотрело белое, как саван смерти, привидение с черными, как смоль, волосами и красными как помидоры щеками.

Если бы Оля не знала, что это её собственное отражение, она бы себя никогда не узнала. Казалось, у неё смелился даже цвет глаз.

Зато Ухо сиял от радости:

– Вылитая Белоснежка! Родная мать не отличит!

Неужели знаменитая сказочная принцесса выглядит точно также?! Теперь девочка понимала каково было её подруге Орнаэли превратиться из прекрасной эльфины в уродливого тролля.

– На вот надень для полного сходства платье принцессы, – сказал Ухо, протягивая нечто белое и воздушное.

– Я помогу тебе, киска! – пропел с противной улыбкой Зверенгоф. – Всё будет гламурненько!

– Спасибо, я сама! – в ужасе закричала Оля и вместе с платьем пулей выскочила в соседнюю комнату. Там она закрылась на задвижку и примерила обновку. К её облегчению платье пришлось впору, и надеть его оказалось не так трудно, как она думала. Посмотрев на себя в зеркало, Оля примирилась с окружающей действительностью, новый наряд был на самом деле красивым, лёгким, приятным на ощупь, без крикливой вычурности и подходил под её новый образ. Даже цвет кожи не казался неестественным. Девочка без стыда предстала в нём перед стилистом и тайным советником.

– Киска, ты в тренде! – оценил сам Зверенгоф. – Шикарненько и гламурненько!

– Так-так, лучше нельзя было и пожелать! – восхитился Ухо, тщательно осмотрев её через лорнет. – Остался только последний штрих.

Он подошёл к Оле и вонзил ей в волосы гребень. Глаза девочки мгновенно остекленели, и она сползла в предусмотрительно подставленные тайным советником руки.

– Извини, девочка, ничего личного, но для спасения Белоснежки ты подойдёшь больше мертвой, чем живой. Эй, там, заносите хрустальный гроб!

Опасная дверь

Александр БАЛТИН,

г. Москва

Павильон, напоминавший огромную церковь, будто кончался тут, завершались торговые ряды, и человек стоял под куполом, словно оказавшись в алтарной части. Советская империя – образ религиозного государства без Бога, но без Бога... как же? И вот, кривые и извращённые, возникали и множились культы по-советски, и человек, бывавший в этом космическом павильоне много раз, впервые заметил, что структурно он смоделирован с церкви.

Двери – массивные, тяжёлые – вели в разнообразные внутренние помещения, но человек не знал, куда ему, он стоял, и набирал sms, ожидая... Одна из дверей отъехала и приятель, выскочивший из неё, замахал рукой – мол, сюда, сюда.

Поздоровались.

Лестница, пыльная и полутёмная, шла между обломков декораций – так казалось, по-крайней мере; старые, фанерные макеты распадались от одного прикосновения, огнетушители выглядывали из красных гнезд, и пахло неприятно – мёртвым столярным клеем, застоявшимся сном вещества. Несколько людей – иные в милицейских формах – на небольшой площадке за пластиковыми столиками пили кофе и курили.

– Кофе хочешь?

– Да нет.

Новая дверь – и новые люди, ходившие взад-вперёд, переговаривавшиеся, нырявшие ещё куда-то, тащившие сумки, поднимающиеся по лестницам...

– Суета, в общем.

– А как ты хотел? Это киносъёмки.

Всё съезжало куда-то вбок, устремлялось вверх, и казалось, избыточное движение противоречит всяко-

му смыслу бытия, сути человеческой отъединённости и глубины; щёлкало специальное устройство, вспыхивали лампы, камера работала, и актрисы ругались, изображая нечто, и вновь люди в милицейских формах, с автоматами, входили, выходили, садились за столы, пили кофе... Разносчик пиццы в пёстрой куртке тыкался бестолково, не зная, куда пристроить свой товар...

По крутой лестнице поднялись в квадратную комнату – где диван туго поблескивал кожей, а аппаратура – компьютеры и проч. – не была включена.

Потолок был затянут чем-то блестящим, похожим на зыбкое серебро фольги.

Ещё одна дверь – и за нею долгий-долгий коридор, коленчато загигавшийся вправо.

– Ну? Пойдёшь?

– Не знаю.

– Учти – опасно.

– Ты так и не решился?

– Да нет.

Он пошёл. Нечто мягко пружинило под ногами, и тихие звуки плавали вокруг, будто нежные солнечные зайчики.

Свернув, почти сразу он нащупал дверь и отворил её, и солнце было таким же, и майская зелень вполне уже походила на зрелую, летнюю – в общем, та же жизнь, но тридцать лет назад.

Мне десять вот тут, подумал он, огибая массивный, без признаков обветшанья павильон, зная, как и куда идти – чтобы увидеть живого отца, молодую маму, чтобы увидеть себя: ребёнком – которому так хотелось рассказать, как правильно, разумно, целесообразно построить свою, столь неудавшуюся жизнь...

МАЛЬЧИК И ЧАСОВЩИК

К дяде Косте шуровать ходил.
Дядя Костя часовщик – соседя
Мальчика несмелого любил.
Заходил я чаще до обеда.

Он комодный ящик выдвигал.

– Ну, шуруй, –

он говорил скрипуче.

В старых механизмах шуровал

Я – ещё не зная мир созвучий.

А теперь шурую во своих –
Накопились за года – бумагах.

И ища наиглавнейший стих
Морщусь, будто пойманный
на враках...

Словно силы нет в стихах моих.

* * *

Лимон порезан. Вымыт виноград.
Коньяк пить в одиночестве
негоже.

Возделывал я душу, будто сад —
Что ж на руины чёрные похожа?

СЕРДЦЕ ЛИВНЯ

Нам сердце ливня не представить –
Как гонит кровь его водой.
Июньский ливень мне восславить
Пристало с блёсткою средой.

О, сорвана с петель реальность,
И закипают тополя.

Щи варят – кухни сей
брутальность
Сколь нравится тебе, земля?

Мне нравится глядеть с балкона,
Раз безопасно застеклён,
На то, как рушатся колонны,
И вздыблены ряды знамён.

Какая кухня! Щи да каша...
Тут бой неистовством звучит!
Жизнь будто покачнётся наша,
Но, покачнувшись, устоит.

А сердце ливня – не представить.
Он затихает. Он прошёл.
Гляди – теперь пристало славить
Сияний шаровых глагол.

Александр БАЛТИН

Случай на прогулке

Любовь РУМЯНЦЕВА,

г. Владивосток

Где-то в середине весны 2011 года я вышла в парк Минного городка прогулять свою собачку Фильку. Была прекрасная погода, солнце светило вовсю и от этого великолепия на душе было светло и радостно. Весеннее настроение особенно подействовало на Фильку, и он бежал впереди меня до предела натягивая поводок.

Надо сказать, что Филька был помесью двух собачьих пород – чихуа-хуа и пинчера, что вылилось в симпатичную миниатюрную овчарку со всеми свойствами этой породы – он вёл себя как большой и сильный пёс, хозяин окружающего его пространства.

Вот и в этот раз он тянул меня на поводке, заставляя ускорять шаг. Наконец, я отстегнула замок и Филька, вырвавшись на свободу, стремглав помчался на полянку возле озера, где он всегда что – то «вычитывал», вынюхивал и оставлял свои пометки на тех местах, где считал нужным. Я стояла, наблюдая за ним, и вдруг увидела, что на ветку невысокого деревца села сорока. Она тоже с любопытством наблюдала за Филькой, изредка что-то крича на своём сорочьем

языке. Потом, спрыгнув на землю прямо перед Филькой, сорока громко протрещала, и тут началось что-то невообразимое – сорока и Филька гонялись друг за другом, меняясь ролями! То она догоняла Фильку, то он её. Я сначала несколько насторожилась – вдруг эта задира обидит Фильку. А потом стала с интересом, смеясь от их проделок, наблюдать за этой необычной игрой в салки. Через несколько минут к этой игре присоединилась ещё одна сорока и теперь они играли втроём.

Это продолжалось ещё несколько минут до того момента, когда появилась третья сорока. Она уселась на ветку и стала грозно что-то кричать. Было понятно, что она ругает своих сородичей и призывает их вернуться к своим обязанностям. Две сороки моментально послушались «командиршу» и улетели вместе с ней. Филька же, очень огорчённый потерей товарищей по игре, уселся под кустом, глядя им вслед. А потом вновь вернулся к своим собачьим делам.

А я, впервые увидевшая такое чудо природы, очень сожалела о том, что не взяла с собой фотоаппарат.

Вниманию авторов

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

статей на любые темы, стихов, прозы, мемуаров и пр.
(расценки – ниже сложившихся на рынке).
По желанию заказчика – корректура.

Любителям словесности также предлагаю приобрести книгу избранных стихотворений Виктора Богданова «Несколько моих душ» (религиозная, философская и любовная лирика), удостоенную главного приза региональной литературной премии имени Ф.М. Достоевского.

Обращаться по адресу:
redaktor.2010@mail.ru

Наша почта

От редакции.

Сегодня мы публикуем отклик омского писателя Виктора Богданова на статью Владимира Тыцких, в которой шла речь о наплевательском отношении к своим обязанностям сотрудников почтовой службы России:

«...видимо, в подтверждение вашей статьи о "работе" почты и – одновременно – в насмешку над ней (статьёй), получил последний номер "Литературного меридиана" в разорванном и как попало подклеенном скотчем конверте, измятым-изжужьканным до неприличия, с пометкой "поступило в повреждённом виде". Только не понимаю: для кого этот нелепый штамп? Если для меня, так я сам вижу, в каком состоянии мне доставлена бандероль. Для почты? Так ведь именно почта и превратила сие отправление в неотребные лохмотья!.. Мерзко всё это. Тоже недавно отправил бандероль, но она уже почти три недели не может дойти из Омска до Великого Новгорода, и боюсь, что и не дойдёт в итоге, а "концов" потом не сыщешь...»

Последний рассвет

Виктор ВЛАСОВ,

(отрывок из авантюрного романа)

г. Омск

“Если б каждый человек начинал свой день, наблюдая, как божий мир наполняется жизнью, светом и красотой, то в мире исчезли бы мерзость и злодейство – в омытой восходом душе просто не нашлось бы для них места”

/Энно Идзавара, самурай, уставший от войны. /

ПРОЛОГ

Раздираемая междоусобными конфликтами страна, словно бушующий океан, порой выплёскивает на поверхность Истории совершенно неожиданные фигуры, сотворённые богами из обломков разрушенных родов. О таких вождях, добившихся значительного успеха при жизни, но памятью о себе очень неудобных последующим победителям, чьи предки были с позором разгромлены самонадеянным выскочкой, летописи умалчивают, а заслуги их приписываются каким-то другим историческим лицам.

* * *

Расчлённая на долины и лощины подобно Шотландскому высокогорью, Япония в средневековье была точно такой же конфедерацией крупных земельных владений, что и Шотландия. Границы между провинциями страны не оставались постоянными, а зависели от амбициозности владельцев земель. Сперва ими были императорские родственники, принцы, высшие чиновники, проживавшие в «центре мира» – городе Киото, а затем, когда власть по-настоящему перехватили военные диктаторы *сёгуны*, владение землёй плавно перетекло в «загрёбущие волосатые руки» назначенных *сёгунами* военных губернаторов, силой подчинивших императорских чиновников на местах и, без зазрения совести присвоив поднадзорные земли, превратившихся из *сюго*¹ в *даймё*².

Власть Императора, проживающего в сакральном центре цивилизованного мира – городе Киото, ограничивалась мерой совести правителей поместий периферии, их готовностью терпеть над собой традиционные институты государственной власти. *Тэнно* – так назывался император Ямато, не мог быть смещён представителем какого-либо иного рода. Заговорщики, бывало, скидывали с престола неугодного кандидата, но взамен на трон Ямато сажали его же родича, ведь род происходил от самой Аматерасу, и только потомки богини, как верил народ, были в состоянии обеспечивать стране покровительство Небес.

Не японцы это всё придумали. Императорская власть повсюду в мире происходила из древнейшей традиции жречества. Просто в Японии традиция престолонаследия была облагорожена очень многими религиозными философами буддизма и синтоизма по образцу династии Тан соседней «Срединной Империи». Власть императо-

ров оставалась сакральной: в определённые дни глава нации был обязан исполнять ритуальные действия в том или ином храме, хранить божественные реликвии и прочее, а над императорами с некоторых пор находилась сила, которая ставила им условия – *сёгунат*, возглавляемый военным вождём общеимперских войск, диктатор.

Правительство *сёгуна* – *бакуфу*, расположилось первоначально вдали от Двора, в Камакуре, а затем, со сменой главенствующего рода (Минамото), переместилось в Киото, фактически лишив власти императора и зная, но пало от собственных реформ: назначенные *сёгунами* Асикага военные правители провинций перестали подчиняться центральному правительству, погрязшему в роскоши и пренебрежении обязанностями, и развязали долгий кровавый передел.

Глава 1

Свергнув старый порядок на востоке Хондо³, войско Ёсисада Хадзиме⁴, выступившего на стороне Нинтоку Тода⁵, самозваного претендента на престол Ямато, продвигалось на юг.

Сын неизвестного князька, по протекции монастыря на священной горе Курама выдвинувшийся из каких-то дзисамураев на должность «тиндзю сёгуна», что значит «усмиритель варваров Востока», объявил себя потомком рода Нитта, ветви, начавшийся с Нитта Ёсисады, прославившегося как истинный японец, борец за дело Императора. Амбициозный и жестокий, но туповатый и взбалмошный, Ёсисада Хадзиме прославился скорым подавлением восставших эмиси на Хоккайдо. Белым Тигром прозвали его самураи, и прозвище это подхватили крестьяне и ремесленники богатейших рисом территорий, оказавшихся под его властью.

Имя Нинтоку Тода, что провозгласил себя воплощением древнего святого правителя и пересказал фразу своего прототипа: «Отныне и в течение трех лет все поборы прекратить и дать родам передышку в их тяжелом труде», в устах жителей звучало как самый сладкий, пьянящий надеждами яблочный нектар. Освобождённые от непомерной дани, налагавшейся прежними властителями, когда крестьянин был обязан отдавать семь мешков риса из десяти, они расправили плечи, трудясь ради достатка своих семей. С уважением, и в признание новой покровительст-

3 Устаревшее название о-ва Хонсю.

4 *Hajime* – яп. муж. имя: начальник.

5 Искражённое *Tadao* – яп. муж. имя: услужливый.

1 Военный губернатор, протектор.

2 Крупный военный феодал.

вующей силы, и чтобы священная традиция *синто* не нарушалась, крестьяне отдавали своему императору лишь меньшую часть того, что выращивали. Да Нинтоку Тода, воспитанный в монастыре, в умеренности и аскетизме, многого и не требовал – по одному коку риса на воина, по два – на самурая-*гокэнина*¹, и верности от *асигару*, пехотинцев, которых выставляли деревенские семьи, одного воина от четырёх дворов.

Рос достаток жителей быстро, как бамбук – появилось много новых домов на добротных каменных фундаментах, удобных для проживания, радующих глаз. За провинциальным замком Тиёда в городке Эдо, окружённом отстраивающимися кварталами домов военных и духовных деятелей, бежавших к объединителю из Киото, закрепилась слава будущей резиденции сёгуна. В самом замке, под охраной особого отряда самураев-*хатамото*², хранились, по уверениям «очевидцев», подлинные «Три священных сокровища». Монахи рассказывали, будто бы в момент явления истинного «я» Нинтоку молящимся на горе Курама, сущность этих регалий императорской власти чудесным образом перенеслась в аналогичные предметы, имевшиеся в распоряжении монастыря Атидзен: бронзовое зеркало, яшмовое ожерелье и старинный меч. Из этого следовало, что боги благоволят делу Белого Тигра-Освободителя, и всем примкнувшим к нему даруют удачу и прощение.

В гавани Эдо в это время высились мачты необычного судна, не японского, а какого-то варварского вида. Прибывшие на нём южные варвары – *комодзины*³, – отличались от тех, что обосновались на острове Кюсю. Тамошные, *намбаджины*⁴, стремились обратить жителей Ямато в свою странную веру – строили свои храмы, заставляли самураев и вельмож креститься и носить неяпонские одежды.

Священники намбаджинов никогда не принимали участия в традиционных торжествах синто или буддизма, отвращали и своих последователей – грешно, мол! Kami, духи природы и умерших предков, для этих варварских пастырей были бесами. Они проповедовали человеколюбие, чем и соблазнили очень многих – больше миллиона южан уже осеяли себя крестным знаменем, – но другие намбаджины нападали на рыбацкие селения и крали людей, обращая в рабов и шлюх. Торговцы южных *варваров*⁵ привозили и продавали одному из даймё рода Ода своё оружие – аркебузы и мушкеты.

Ода – незнатный род, их поставили сёгуны Асикага управлять провинцией в качестве сюго, но, как водится, братья разодрались и между собой, и с соседями. Сёгуну из рода Асикага, под которым самим горела земля, было не до соседских раздоров, поэтому Ода Бадафуса, «большой дурак из Нагоя», предоставленный самому себе, постепенно, победа к победе, креп и богател. Ода развивал торговлю морем, обзаводился даровитыми генералами и советниками, которых, тем не менее, позволял себе пинать ногами, и уже представлял собою очень влиятельную и независимую силу.

Оду ненавидели. Даймё провинций Мину Сайто Хидеаки, у которого Ода отхватил значительную родовую территорию, искал союзника против южного соседа и помимо своего северного недоброжелателя Такэды, одним из первых поспешил заключить союз с новоявленным императором Нинтоку и его опытным военачальником Ёсисадой Хадзиме, покорителем айнов. Примкнули к этому союзу, освящённому Луной, Солнцем и Землёй, и другие влиятельные роды, которым надоели Ода, и Асикага, и безвольные Императоры Киото, и святотатственные христиане-иезуиты. Восстановление единства страны мыслилось большинством даймё как следствие реставрации Первоначал Ямато, когда столицей ещё была древняя Нара.

5 Португальцы прибывали в Японию с юга, на их судах было много христиан-индусов.

1 Младший вассал, «почётный член семьи» – мелкопоместный дворянин.

2 Хатамото – ближайшие соратники даймё, буквально: «под знамёнами».

3 Голландцы или англичане.

4 Португальцы или испанцы.

ПОЭЗИЯ

**Дмитрий СОСНОВ,
г. Омск**

Осенние вечера октября
Чистые, тихие и прозрачные.
Ветви всюду уж листвою багрят,
Но настроенье нисколько
не мрачное.

Пусть грянут скоро дожди и снега
Дни уходящего «бабьего лета»
Не позволяют природе ругать,
Ими душа безвозмездно согрета

Так, что уверена – снова весной
Яблони будут в кипенье
цветковом.

Так и становишься чище душой,
Словно услышав хорошее слово.

**Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва**

* * *

Птица-осень коснулась крылом,
Капли охры роняя на плечи.
Я запомню ее не дождем –
Обещаньем негаданной встречи.

Каждый день заучу наизусть.
Осень эту теперь не забуду.
Для кого-то лишь морок и грусть,
Для меня – приближение к чуду.

Это жизнь возвращает долги:
Разгоняя тяжелые тучи,
Мне, познавшей ту тьму,
где ни зги,...
Шлет из прошлого солнечный
лучик.

Все прошедшие дни октября
Нежным светом окрашены...
Ясно –
Ничего в этой жизни не зря,
И ничто, и ничто не напрасно...

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
  2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
  3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
  4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
  5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**.
  6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	350 руб.	550 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
ежемесячник «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Никаких дополнительных затрат подписавшийся не несет.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.
Учредитель: В.А. Костылев
Объём издания – 8 печатных листов.
Тираж 500 экз. (включая электронную версию)
Цена свободная.
Номер подписан в печать по графику и фактически 6 октября 2012 г. в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1.
Дата выхода номера в свет – 17 октября.

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: **Lm-red@mail.ru** Наш сайт: **www.Litmeridian.ru**
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

Периодическое издание «Литературный меридиан» не имеет ограничений по возрасту [0+].

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями Российской Федерации:
«Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), интернет-журналом «Молоко»

**Музей-усадьба украинской культуры и быта Марии Зварыч.
(Приморский край, г. Фокино, ул. 2-я рабочая, д. 18.) Фото Раисы Петровичевой
Материал Эльвиры КОЧЕТКОВОЙ «Щиро дякую!» читайте на с. 8**

**Стихи
Елены
РОДЧЕНКОВОЙ
читайте
на с. 12**

**Отрывок
из повести
Даниила
АЛЕКСЕЕВА
«Спаси
Белоснежку»
читайте
на с. 26**

Внимание! Подписка продолжается!

Осенью 2012 года каждый желающий может оформить подписной абонемент на «Литературный меридиан» по льготным ценам.

Стоимость полугодовой подписки составляет 350 рублей, годовой – 550 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу:

692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по телефону: 8-914-666-1-999

Прогулка по Неве. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток

